

не заслуживающий
Красоты

BEAUTY
#2

СКАЙ УОРРЕН

В ожидаемом продолжении, книги «Красота, коснувшаяся чудовища», Эрин и Блейк познают новую близость и столкнутся со старыми врагами. Когда Блейк получает предложение вернуться в свою альма-матер, в качестве доцента, он знает, что для него это возможность вписаться в реальный мир и быть достойным женщины, которую он любит. Эрин же осознает, что это шанс к его исцелению... даже если он будет означать, что придется оставить ее позади.

Скай Уоррен

Серия «Красота» #2

«Не заслуживающий красоты»

Оригинальное название: *Beneath the Beauty by Skye Warren (Beauty #2)*

Скай Уоррен серия «Красота» #2 – «Не заслуживающий красоты»

Автор перевода: *Мария Диханбекова*

Редактор: *Юля Монкевич*

Вычитка: *Юля Монкевич*

Оформление: *Юля Монкевич*

Обложка: *Ира Белинская*

Аннотация

В ожидаемом продолжении, книги «Красота, коснувшаяся чудовища», Эрин и Блейк познают новую близость и столкнутся со старыми врагами.

Когда Блейк получает предложение вернуться в свою альма-матер, в качестве доцента, он знает, что для него это возможность вписаться в реальный мир и быть достойным женщины, которую он любит. Эрин же осознает, что это шанс к его исцелению... даже если он будет означать, что придется оставить ее позади.

Глава 1

Эрин медленно просыпается. Ее сознание нежно выплывает из сна, а возбуждение охватывает кожу. Она пребывает в глубокой дремоте, пресыщенная и удовлетворенная, но вновь оживает от его прикосновений.

Блейк. Вдыхая, возможно, она произносит его имя вслух. Или, может быть, ей это только кажется. Сейчас они, как никогда близки, после недавнего секса. Завернутые друг в друга, как в кокон, продолжая прижиматься друг к другу. Закончились все обсуждения и переговоры, теперь они полностью обнажены. Только он, она, и удовольствие, которое они могут разделить вместе.

Мозолистые пальцы спускаются по ее бедрам ниже и ниже, туда, где завитки ее волос все еще влажные от их предыдущего секса. Она бросает взгляд в окно. Тусклый, мрачный свет проникает через шторы, предвещая наступление ночи. Он действительно был ненасытен, ранее этим вечером и сейчас. Скорее всего, они снова сделают это утром. Ей это нравится.

Когда его пальцы скользят внутрь влажного средоточия ее чувственности, она стонет.

– Тс–с. Я не хотел тебя будить.

Лжец. Ленивая улыбка растягивает ее губы.

– Правда?

Он находит ее клитор и сжимает. Его дыхание на ее шее, кажется таким горячим, а эрекция настойчиво, вновь прижимается к ней сзади.

– Но теперь, когда ты проснулась...

– У тебя есть на меня планы?

Восхитительные планы. Они всегда у него есть.

– Ты не должна ничего делать, – шепчет он, перекатывая ее на спину. Он проводит носом по ложбинке между ее грудей, по животу и останавливается между ног. Колени широко раздвинуты в стороны, и все ее тело буквально открыто для него, в предвкушении и расслабленности после сна. Бедра приподнимаются вверх, будто инстинктивно приглашая.

У нее был оральный секс прежде, но никогда, с кем-то столь же искусным, как Блейк. Сам он наслаждается этим так же, как и обычным сексом, а может быть и даже больше. Он может делать это бесконечно, пока она дрожит и трепещет. До тех пор, пока она не начинает умолять его войти в нее.

Боже, она любит это.

Две недели не являются большим сроком, но она чувствует себя невероятно близкой к Блейку. Она доверяет ему свое тело и черт – свое сердце. Она встречалась со своим последним бойфрендом в течение восьми месяцев, не чувствуя такого уровня близости. И конечно же, он никогда не делал ей *этого*. Блейк проводит снизу–вверх, мучительно медленно описывая круги вокруг клитора, и ритмично надавливает, пока ее бедра инстинктивно не подхватывают этот ритм.

Прежде, чем она успевает кончить, он начинает поцелуями прокладывать себе дорожку вниз. Его язык проскальзывает между ее половых губ, разжигая в ней страсть.

– О, Блейк, – стонет она, содрогаясь и теряясь в острых ощущениях.

– Что такое, детка? – шепчет он, отрываясь от нее. – Скажи мне, чего ты хочешь. Возьми то, что тебе нужно.

Она сжимает в кулак его волосы и направляет губы Блейка к своему клитору. Он жадно припадает к ней, используя губы и язык, чтобы вознести ее еще выше и дальше, и так до тех пор, пока она не станет напряженно выгибаться, от желания кончить.

Прикосновения его пальцев к ее половым губам, толкают ее к грани; легкие касания в сочетании с резким удовольствием на клиторе, и она взрывается яркими лучами, которые рассеивают тяжелые тени окружающие их.

Медленно приходя в себя, она моргает глядя в потолок, и ощущает себя наполненной энергией.

– Теперь я в порядке и действительно проснулась.

– Дерьмо, – встревожено произносит он.

– Это не жалоба, мистер. Это было удивительно.

– Не волнуйся. – Он опускает свои губы к низу ее живота. – Я думаю, что мы можем повторять это снова и снова.

Она бы улыбнулась, но его язык начинает двигаться так грешно, а пальцы погружаются еще глубже. Ее бедра крепко сжимаются, и она снова кончает, на сей раз быстрее, качаясь на волнах возбуждения. Не позволяя ей передохнуть, он снова касается языком ее клитора, который слишком чувствителен, и это именно то, в чем она нуждается. Она начинает стонать громче, все ее тело бесконтрольно извивается, а каждый новый оргазм посылает ее все дальше в нирвану.

Когда ее тело содрогается в одном окончательном оргазме, он опускается на колени между ее ног. Она отдаленно отмечает, как дрожат его руки, когда он надевает презерватив. После, он приставляет член к ее влажному влагалищу и толкается внутрь. Все, что было до этого – прекрасно, но не сравнится с тем моментом, когда она чувствует себя наполненной им и наблюдает, как выражение блаженства смягчает черты его лица.

С одной стороны лица, его кожа выглядит гладкой, несмотря на всю текстуру и щетину активного, здорового человека. Кожа же на другой стороне, когда-то была сожжена, уничтожена огнем и войной, а в настоящее время покрыта паутиной шрамов. Ей больно это видеть, но только потому, что она переживает ту же боль, которую он испытывал в тот момент. Он держит ее взаперти в своем безупречном доме, не позволяя выйти наружу.

Для нее, сейчас он выглядит идеально. В лунном свете, рельеф его шрамов кажется более выразительным. Она с восхищением рассматривает его. Приоткрытые губы и затуманенные страстью глаза, показывают насколько ему хорошо рядом с ней. Она предлагает себя ему, как если бы он был божеством, а она подношением. Но это не является жертвой, чувствовать тяжелый вес его мускул, пульсацию его толстого члена, приглашающие касания губ, когда он наклоняется, чтобы поцеловать ее. Он толкается в нее, быстрее и сильнее, унося их вперед в море искрящегося удовольствия.

– Черт, – бормочет он. – Я не могу... Не могу...

– Не сдерживайся. – Она повторяет его прежние слова. – Возьми то, что тебе нужно.

Эти слова как будто освобождают его. Он ускоряется, начиная вдальбливаться так сильно, что у нее перехватывает дыхание. Он прижимается губами к ее губам, двигая языком в едином ритме со своими бедрами. Он вторгается в нее, совершая двойное проникновение, и прижимает так крепко, но она не смогла бы отстраняться ни за что на свете. Ей хочется, чтобы он взял ее, чтобы использовал. Все, чтобы доставить ему удовольствие. Все, чтобы дать ему спокойствие.

Он останавливается и дергает ее на себя. Ее бедра ударяются об его, как волны о скалы, он хрипло стонет, и крепко вцепляясь в ее бедра, начинает кончать.

Он осторожно выходит, а она слегка всхлипывает от чувства утраты.

Он поглаживает ее ноги.

– Я скоро вернусь. Нужно позаботиться об этом.

Он исчезает в ванной, чтобы избавиться от презерватива. Тихо журчит вода. Она смотрит на свет, пробивающийся из-под двери, решая подождать, пока он не вернется в постель. Но его ловкий язык и решимость сделали свою работу, она оказывается слишком уставшей, чтобы дожидаться. Со вздохом поражения, она начинает засыпать.

Блейк возвращается и замирает рядом с кроватью, любуясь гладкой кожей и темными ресницами своей возлюбленной. Ее русые волосы похожи на сусальное золото, а молочная кожа на лунный свет. Его взгляд опускается ниже, на изгиб шеи и путешествует дальше. Простыня сползла, обнажив великолепную грудь, увенчанную темными сосками. Он не задерживается долго взглядом на ее груди, на сей раз, но ему она всегда нравилась. Он желает, зацеловать каждый участок ее тела, а затем сделать это снова.

Он не обманывает себя, он ощущает вездесущий оттенок отчаяния, как будто ему нужно спешить, как будто она выскальзывает сквозь пальцы, как песок на ветру. Он – реалист. Он страшен, как смертный грех. Она же самая красивая женщина, которую он когда-либо видел. Это лишь вопрос времени, когда она покинет его навсегда.

Хотя дело не только в его внешности. Но это является корнем проблемы. Обычные люди могут хранить в тайне свои раны и слабости. У Блейка же они как яркая вывеска над магазином. Метка на карте. *Здесь Живет Дракон*. Никто не рискнул с ним сблизиться — до Эрин.

Он коренным образом изменился после своего путешествия. Не только от взрыва, несмотря на то, что он испортил все, что было в нем хорошего. После тех долгих месяцев за рубежом, он превратился во что-то нечеловеческое с инстинктами и энергетикой животного.

И то, что он видел, до сих пор преследует его. Он не испытывает желания находиться среди людей, и то, что они резко отшатываются от него в ужасе, не помогает делу.

Может, они *должны* бояться его, может взрыв действительно изменил его. Отшлифовал и заточил для борьбы, а не для жизни.

Он существует в мире тьмы и ощущений адского пламени с момента того взрыва и его возвращения. Так часто находясь в центре внимания общественности. Хорошо спланированная карьера на политической арене, оказалась разрушена. Его родители – разочарованы. Его невеста тоже была разочарована, пока не сбежала.

Черт, он часто впадает в депрессию. Он старается не делать этого, особенно когда рядом Эрин. Она все изменила. Он не стал более уравновешенным, даже близко - нет. Но надежда, маленьким ростком, пробивается сквозь сухую, потрескавшуюся землю.

Как она и сказала, он в порядке и действительно бодр. Если он останется с ней в постели, то в конечном итоге, только разбудит ее снова своей ненасытностью. Несмотря на его задумчивое настроение, его член готов для второго раунда, или это уже был третий? Или четвертый? Сейчас она выглядит такой спокойной. Он не может продолжить дразнить ее. Он сможет прожить эти дни, как отшельник, работая и днем, и ночью, а ей нужно уехать рано утром.

Тихо ступая, он выскальзывает из спальни в кабинет, проходя через зал. Автоответчик моргает красным, как делал весь день, но он игнорирует его. Он не хочет ни с кем разговаривать. Вместо этого он включает экран на своем ноутбуке, заливая комнату тусклым синим светом, который его успокаивает. Здесь он находится в своей стихии. Здесь его воспринимают, как равного.

Сегодня пришло шесть новых электронных писем, каждое длиной в несколько страниц сплошного текста, которые он должен рассмотреть, проанализировать и обдумать. Четыре от профессоров и политиков США, одно из-за границы, и последнее от монаха Джайна из Индии. Компьютер хороший помощник во всем, даже чтобы приготовить еду. Темы варьируются от внутренней политики, глобальных событий, прав человека, до чего-нибудь,

что они могут обсуждать неистово и бесконечно, вращая интеллектуальные колеса по колее риторики. На сайте, который он создал в годы службы, когда был молодым и амбициозным солдатом. Тогда он еще не знал, что это будет его единственная связь с обществом.

Он углубляется в работу. Только здесь он может быть самим собой. Здесь от него требуется только интеллект. Он может не думать о своей жизни и ее неполноценности. Ни об Эрин и о том, когда она поймет, что связалась с неудачником. Ни о том, что он почувствует, когда она уйдет.

Часы тикают и только чистые, новые записи логических аргументов, рождаются одни за другими, в ритме, который он создает в своей голове.

– Ты проснулся.

Он поднимает взгляд и видит Эрин стоящую в дверях. Ее руки скрещены, и она облокачивается о дверной косяк. Интересно, как долго она там стоит?

– О, дорогая, прости.

Он быстро встает, и боль простреливает его шею. Отчасти это из-за сидячего положения, в котором он работает, но на самом деле, его шея болит еще с момента взрыва. Месяцы посещения терапии и реабилитации помогли, но не достаточно. Взрыв повредил больше, чем его кожу.

– Я потерял счет времени.

Она пожимает плечами и приближается.

– Все нормально. Ты можешь работать, сколько захочешь.

Ее присутствие, как маяк, освещает вещи, которые было бы лучше оставить в темноте. Она проводит пальцами по пыльной кипе бумаг. Он сказал ей, чтобы она пропустила эту комнату во время своего первого визита сюда, и, несмотря на все, что произошло между ними, это так и не изменилось. Их первый раз произошел в этой комнате, в единственном месте, где он чувствовал себя живым в те мрачные часы, и это ощущалось даже более интимно, чем секс, который они разделили.

– Давай вернемся в спальню. – Произносит он охрипшим голосом. – Я могу делать кое-что лучшее, чем это.

– Не спать, я полагаю?

Что-то как будто изменилось в ней, может ее застенчивость. Холодок пробегает между ними. Она проводит пальцами по его столу и осторожно сдувает с них пыль.

– Если бы я не знала тебя лучше, то подумала бы, что ты от меня что-то скрываешь.

Это не так. По крайней мере не то, что она думает. Так почему же он вдруг чувствует себя виноватым? Потому что она не знает степень его повреждений и посттравматического стрессового расстройства. Потому что она не знает, как сильно он жаждет ее. Потому что она не знает, каким потерянным он был, пока не привязался к ней. Он не может рассказать ей этого, не показав своих слабых сторон – не потеряв ее.

– Спроси меня, о чем-нибудь, о чем ты хочешь знать, – говорит он. Его голос звучит подавленно, потому что именно так он себя и чувствует. Выставленный на обозрение и уязвимый. Для нее, да.

Она скользит пальцем по поверхности его светящегося ноутбука, конечно, он чист. Одна из немногих вещей, используемых здесь.

– Есть ли у тебя фотографии другой женщины?

Шок смешивается с облегчением, когда он смеется:

– Что? Нет!

– Я имею в виду... Наши отношения были довольно внезапны. Я не говорю, что мы должны быть единственными друг у друга или что я жду этого от тебя.

Он отвечает прямо, чтобы положить этому конец:

– У меня больше никого нет, Эрин.

– Тогда почему ты всегда приходишь сюда, когда думаешь, что я сплю? Я знаю, ты работаешь здесь сутки на пролет. Когда ты отдыхаешь?

Он открывает рот, чтобы ответить, а затем понимает, что он не знает ответа. Она не оставалась у него несколько ночей подряд, но эти две недели, которые они спали вместе, рассвет они встречали в кожаном вращающемся кресле. Затуманенным взором он смотрит на экран. Из активного дипломированного специалиста и военнотружущего он превратился в... ничто. Он все еще чувствует в себе стремления, амбиции, но не знает, что с ними делать.

Со стороны может показаться, будто он отказывается отвечать. Она подходит к полке со стопками книг, академических журналов, которые, вероятно, очень старые, с подчеркнутым текстом и загнутыми уголками.

Ее рука замирает над автоответчиком. Тот мигает красным. Она поворачивается к Блейку, будто спрашивая, может ли она нажать на кнопку.

Он пожимает плечами. Он понятия не имеет, кто оставил сообщение, но если это поможет успокоить ее, что нет другой женщины или каких-либо секретных разговоров, тогда он предпочитает, чтобы она услышала.

Вместо этого она поворачивается к двери и произносит, не глядя на него:

– Я не имею в виду, что буду шпионить или... или обвинять тебя. Я никогда не хотела быть такой девушкой.

– Это разумные вопросы. Я хочу, чтобы ты задавала их. Нет, я ни с кем. Ты. Я хочу только тебя.

И он тоже не хочет, чтобы она была с кем-либо еще.

Она делает небольшой судорожный вздох, больше похожий на всхлип.

– Прости меня, – выдыхает она. – Не то чтобы я тебе не доверяла.

Он ждет.

Она издает смешок:

– Хорошо, я полагаю, что это действительно означает это. Я просто... имею некоторые проблемы с доверием. Последний парень, с которым я встречалась... ну, скажем так, это не закончилось хорошо, понимаешь?

Да, он понимает, что ей было больно, и он ненавидит это. Он также полагает, что не будет концентрироваться на этом мудаке, который обычно не волнует его, кроме этого у него уже есть достаточно недостатков в этом отношении, и он не может позволить себе платить и за грехи другого человека.

– Так что, я бы хотела попросить, возможно... – Она поворачивается к нему лицом, ее глаза блестят в темноте, а губы подрагивают. – Возможно, мы могли бы, не торопиться.

Не торопиться? Это абсолютно противоположно тому, что он чувствует к ней. Каждая его часть отчаянно хочет претендовать на нее, пометить ее, как свою собственность. Так, чтобы никто не смог увести ее, когда она выходит в реальный мир, а он остается здесь, как в ловушке.

– Нет проблем, – отвечает он, стараясь выглядеть небрежным. – Это то, что мы будем делать.

Даже если это убьет его, он будет делать это.

Проклятая красная лампочка по-прежнему мигает, насмехаясь над его неспособностью общаться с внешним миром. Блейк расстроен и возможно для того, чтобы доказать свою надежность, даже если она и не готова поверить ему, он нажимает на кнопку «пуск», когда она смотрит на автоответчик.

– Привет, Блейк, это Джереми. Джереми Мозли – декан общественных наук. Вы помните, мы говорили о вакансии доцента? Я знаю, вы мне отказали, и мы пошли вперед и наняли консультанта-воротику из Вашингтона на летний семестр. Но вы знаете, его парень был избран, и теперь он разорвал договор. Может быть, вы передумаете, у нас класс остался без профессора. Мы хотели бы, чтобы вы пересмотрели... ах, я верно шучу? Мы в отчаянии! Это всего лишь шестинедельный курс. Назовите условия, Блейк.

Джереми диктует несколько телефонных номеров, но Блейк не двигается. Проклятье. Он действительно не хотел, чтобы Эрин узнала об этом. Это лишь подчеркнет его бесполезность. Его беспомощность. Конечно, кот уже вынут из мешка и если он попробует отступить, то она посмотрит на него, как на лжеца.

Улыбка освещает ее красивое лицо:

– Они хотят пригласить тебя на работу в университет? Доцентом? – Она счастливо улыбается и бросается к нему, обнимая руками за шею. – Это замечательно, Блейк!

Черт. Он обнимает ее в ответ, а затем аккуратно отпускает.

– Эрин, это не сработает.

– Но он сказал, что ты можешь назвать свои условия. Как думаешь, ты мог бы получить офис с окном?

– Я не думал насчет офиса. Я имею в виду, что там вряд ли будет офис.

Ее голова откидывается назад от его резкого ответа.

Он смягчает голос, произнося умоляющим тоном.

– Сейчас просто не подходящее время.

Она осматривает небольшое загроможденное пространство вокруг, как будто видит все это впервые. После долгой паузы, она тихо произносит:

– Я вижу.

Проклятье, вероятно, она действительно видит. Видит толстые стены, разделяющие его и остальной мир, защищающие его от их взглядов. А что потом? Она выйдет и никогда не вернется? Будет ли он жалеть о том, что она не узнала более сильного, более функционального человека, который в состоянии заботиться о ней лучше?

Он не может этого допустить.

Неизбежность захлестывает его, и он закрывает глаза от этого потока. Правда оказывается неизбежна, и он должен сделать это для себя. Как долго он сможет оставаться вдали от нее, прежде чем иссохнет?

Его горло сжимается, но он успевает сказать с немалым количеством тщетности:

– Я поговорю с ним завтра. Если вакансия останется открытой, я возьмусь за это.

Глава 2

Ощущение, что все так, как и должно быть заполняет Эрин, когда она входит в здание социальных наук. Она была наполнена нетерпением на протяжении всех утренних занятий, зная, что сможет увидеть Блейка в обеденное время.

Две недели прошло с тех пор, как Блейк принял должность временного помощника профессора в университете. В это время, они оставались вместе почти каждый вечер.

Обычно, они проводили вместе только ночи, с едой на вынос и кино. Когда они открывали печенье с предсказаниями, то добавляли к каждой фразе «в постели», чтобы это было тем, что ожидало их в будущем. *А потом жизнь становится интереснее... в постели.* Блейк доказывал это медленным сексом в своей спальне, пока солнце не начинало пробиваться сквозь занавески. Блейк шутил, что он горгулья, которая превратится в камень на рассвете. Не очень тонкий намек на шрамы, портящие его красивое лицо.

Она балансирует с двумя «латте» на вынос, скользя через плотную толпу студентов, выходящих из лекционных залов. Некоторые объединяются в небольшие группы перед закрытыми дверями кабинетов. Часы консультаций обычно проходят в середине дня, между обычным расписанием классных занятий. Они начинаются за неделю до начала занятий, чтобы позволить студентам познакомиться со своими новыми профессорами.

В случае Эрин, то она идет, чтобы увидеться со своим консультантом, которого она уже знает с предыдущих лет. Он умен и скромнен, так что он ей нравится. Он написал ей отзыв на ее предварительные идеи для заключительной научной статьи. Она включит его критический анализ в свою схему в последующие несколько дней, и он поставит свою подпись, когда начнутся занятия.

Она должна сделать еще одну остановку, прежде чем покинет кампус.

Профессор Моррис. Это имя вызывает в ней всплеск сексуального желания. Вероятно, потому что она называла его так, когда они были вместе прошлой ночью.

Он здесь только временно, но буквы выгравированы на матовом стекле двери его кабинета. Они должны быть надеются, что он привяжется к этому месту за один семестр. Она тоже.

Голоса звучат внутри. Черт. Кто-то толкает ее. Ах, хорошо, так даже лучше. В таком случае, он сможет провести остаток своего рабочего времени с ней. О, она знает, что у него много работы. Эрин Райдэр не знает лишь, почему университет умолял его быть профессором на замену. Но это лишь первая неделя занятий. Сколько вопросов еще может возникнуть?

Кто-то толкает ее в коридоре и обжигающе горячий кофе расплескивается в ее руках.

– Дерьмо, – бормочет она.

Тени в его кабинете гуще, чем в других. Это помогает студентам свободно общаться с новым профессором в надежде на его покровительство. Она начинает осознавать, что выглядит так, словно идет подлизываться к нему с кофе. Румянец нагревает ее щеки гораздо больше, чем это смогла бы сделать горячая жидкость. Если бы все знали, кем она приходится ему *на самом деле*.

Но никто не знает. Они договорились никому не говорить. Точнее, она отговорила его от разглашения их отношений. Положение запахло бы жареным, если бы университет узнал, что у него сексуальные отношения со студенткой, даже если она не является *его* студенткой. Она видит в этом здравый смысл. Это стало бы этической черной меткой о неблагонадежности. Она, никоим образом, не собирается откладывать получение высшего образования или отбирать у него возможность вернуться в общество.

Один семестр. Только один небольшой семестр, и они оба будут свободны. Они смогут раскрыть свои отношения. Блаженство...

В коридоре, время от времени, попадаются опоздавшие. Наконец дверь офиса распахивается, и две девушки вываливаются шквалом крошечных топов и ярких резинок для волос, выглядя очаровательно: «я просто набросила то, что попало под руку». Эрин всегда

завидовала этому. Они едва достаивают ее взглядом, но какое-то чувство приличия удерживает ее от того, чтобы бросится внутрь до того, как дверь захлопнется. Нет необходимости, привлекать внимание к своему кофе-на-двоих выступлению. Действуя непринужденно, она подтягивает свой рюкзак на плечо и тянется к дверной ручке. Когда за своей спиной, слышит, их разговор:

– Вы видели его лицо? – спрашивает одна из них, хихикая.

– Я не могла перестать смотреть, но не в хорошем смысле, – отвечает другая.

Эрин замирает. Она держит ручку двери, ошеломленная их ужасными словами. Они не предпринимают никаких усилий, чтобы звучать тише, несмотря на то, что они отошли только на пару шагов. Она не уверена, слышит ли их Блейк внутри, но если бы она открыла дверь, то он, конечно бы услышал.

– Да, но когда он отвернулся... блин, так я не возражаю на него поглазеть.

– Хм-м-м, – соглашаются остальные.

– Это была прекрасная задница, без сомнения. Когда он поворачивается в другую сторону, я могу смотреть на него весь день.

Они продолжают идти дальше по коридору, а внутри нее клокочет гнев. Она всегда считала себя открытой феминисткой, поэтому конечно материализм или подлость задевают ее. Но здесь они направлены не просто на человека, а на человека, о котором она заботится. Человека, которого она любит.

С трудом сглатывая, она толкает дверь.

– Эй, профессор, найдется для меня минутка?

Блейк поднимает свой взгляд на нее и улыбается.

– Для тебя, всегда.

Может быть, в первый раз за все время, она изучает его критически. Одна половина его лица – красива, даже очень. Другая – покрыта тяжелыми ожоговыми шрамами от верхней губы к виску. Его глаз по-прежнему функционирует, но форма века не соответствует другой стороне, делая лицо искаженным.

Она любит в нем все. Храбрость, которую он проявил на военной службе. Храбрость, которую он показывает, выходя в мир, несмотря на то, что о нем думают люди. Как драгоценно то, что он жив, и что он с ней.

Переполненная внезапными эмоциями, она ставит кофе на ворох бумаг и бросается к нему на шею. Он ловит ее с *природной грацией*, и тут же заключает в крепкие объятия.

– Что на тебя нашло? – спрашивает он слегка посмеиваясь.

Я так горжусь тобой. Но она не может сказать ему этого, если он услышал тех девушек. Кажется, он прибывает в хорошем настроении. Вместо этого она произносит:

– Скучала по тебе.

– Ты видела меня прошлой ночью, – напоминает он ей.

Она отстраняется, хитро улыбаясь.

– И сегодня утром.

Его глаза темнеют, и она чувствует его эрекцию низом живота. Он так быстро возбуждается и всегда готов для большего.

Удерживая его пристальный взгляд, она опускает руку вниз. Его живот напряжен под рубашкой и майкой, которые она видела, как он надевал сегодня утром. Ее пальцы пересекают рубеж его пояса, как будто это проклятый Рубикон, роковая черта. Они в его офисе, но они одни... и, черт побери, она чувствует потребность порадовать его. Доставить

удовольствие, после того, как те нелепые девушки пятнали его, знает он об этом или нет. Она прикасается к его члену, большому и пульсирующему.

Он вздрагивает от прикосновения ее рук и стонет:

– Эрин. Эрин.

Ей нравится слышать свое имя из его уст.

– Да? – спрашивает она невинно. – Что–то не так?

Он выдыхает что–то, что она не может понять. Это не имеет значения. Его тело говорит ей все, что нужно знать; жар под ее ладонью, дрожь его бедер под гладкими брюками. Возбуждение, которое ни тонкая шерсть, ни белье не в состоянии скрыть. Он нуждается в этом так же сильно, как и она. Боже, он отлично выглядит в костюме. Она не стала бы обвинять тех девушек с их глупыми взглядами, если бы они не были так жестоки, говоря о его шрамах.

Она опускается на колени, аккуратно подталкивая его к стене. Их тела блокируют дверь; никто не сможет войти и увидеть их. Но кто–то может попытаться, и что они придумают в оправдание того, что дверь закрыта? Еще хуже, если кто–то снаружи будет стоять очень близко и очень тихо, и сможет услышать рваные вдохи, издаваемые Блейком, скрежет его молнии, когда она тянет собачку вниз, низкий стон, когда она вытаскивает его член, кожа к коже.

Риск возбуждает ее. Все это так отличается от безопасного окружения его спальни. Это как заявление. Утверждение о своих намерениях. *Он мой.*

Он кажется тяжелым в ее руке, не тот вес, который можно ожидать от человека, не занимавшегося сексом месяцами. Вместо этого он именно такой каждый раз. Достаточно большой, чтобы заполнить ее ладонь, ее лоно... ее рот. Грешная улыбка изгибает ее губы.

Его нос раздувается сильнее с правой стороны, чем с левой.

– Боже, Эрин. Что ты со мной делаешь?

– Мне стоит остановиться, профессор Моррис?

Стоит ли ей остановиться? *Нет, не останавливайся никогда!*

Подожди–ка. Блейк заставляет лихорадку похоти отступить, позволяя своему разуму очиститься и действительно подумать о том, что они делают. Она выглядит так красиво, с этими полными губами, опухшими и розовыми. Ее темные, знойные глаза, в которых возбуждение плещется так, что он почти не в состоянии контролировать себя, почти не может остановиться. Но она заслуживает лучшего, чем делать это на коленях в этом пыльном офисе, куда кто–то может войти. Она заслуживает гораздо лучшего, чем он, но теперь, когда он заполучил ее, он не планирует оставлять ее в ближайшее время.

Он должен быть в состоянии управлять собой лучше, когда–то он был так хорош в умении отказывать, но, черт побери, он хочет эти розовые губы на себе, он хочет ее – сладкую, жаркую. Он хочет намного большего. Ее стонов, ее удовольствия.

– Ты уверена, что мы должны делать это здесь? – Его голос выходит хриплым, противореча смыслу его слов. Он хочет этого, и это настолько чертовски плохо.

Она сжимает нежно, заставляя его бедра дернуться. И улыбается, довольная своей властью.

– Если ты скажешь мне, чтобы я остановилась, я сделаю это.

Ах, черт возьми. Так прекрасна. Он зажмуривается от ее вида, но он не сможет

продержаться долго, чувствуя лишь легкое прикосновение ее дыхания к своему члену.

– Эрин.

– Да профессор?

Он прикрывает глаза, чувствуя себя на грани какого-то открытия, на краю обрыва, и он прыгнет, только чтобы быть с ней.

– Тебе нравится это? – удивление наполняет его голос. Удивление и изумление.

Небольшая улыбка расплывается по ее губам, хотя она не отвечает.

– Мысль, что кто-то мог бы вломиться к нам. Это заводит тебя. Это тебя волнует.

Ее щеки темнеют от румянца. Она не отрывает взгляд от его члена, пока ее руки начинают равномерно двигаться. Он не будет отвлекаться.

– Встань, – хрипло приказывает он. – Позволь теперь позаботиться о тебе.

Она качает головой, медленно и с показной скромностью. Боже, она так заводит его. Она лишь взглянет на него улыбаясь, а он уже набирая обороты, готов взорваться. Но когда она такая, как сейчас... соблазнительная, властная, он готов упасть к ее ногам.

Но это не то, чего она хочет.

– А может быть, власть тоже, – размышляет он. – Тебе нравится контролировать меня.

Ролевая игра.

– Ну, ты же профессор.

– А ты – студентка. Непослушная студентка.

Она улыбается.

– Я?

О да. Для нее, он будет играть в любую игру, заплатит любую цену, и это совершенно не трудно.

Он опускается перед ней на колени, берет ее лицо в свои руки и мягко целует в лоб.

– Все верно. Входишь в офис профессора и вынимаешь его член. Ты делаешь это для всех своих преподавателей?

Она сильно краснеет и опускает глаза.

– Нет, сэр.

– Только для меня? Это первый раз, когда ты держишь член профессора в своих руках?

– О, Боже, – стонет она, а потом выпрямляется. – Да сэр.

Еб*ть, когда она называет его «сэр», то это заставляет его терять голову.

– Как ты думаешь, это было бы мудрым шагом? Я должен сказать, что ты, кажется не знаешь, что делать с ним дальше.

Она вздрагивает от его слов, продолжая двигать своей рукой. Слишком много, слишком быстро – он кончит быстрее, чем игра закончится.

– Нет, так не пойдет. – Произносит он. – Похоже, что я должен научить тебя делать и это тоже. Я надеюсь, что ты будешь лучшим студентом здесь, чем когда ты находишься в классе.

– О, я сделаю это. – В ее глазах танцует возбуждение вместе со скрытым юмором. Им комфортно друг с другом, она и Блейк придерживаются своих ролей, за удовольствием стоит фарс, но они общаются с хитрыми взглядами и знакомой нежностью.

– Ты будешь хорошей девочкой для меня. – Бормочет он.

– Да, – умоляет она, и он пропадает. Ее добровольный раб в виде сурового надзирателя, желая угодить ей в любом случае, в любой форме и незаконная ролевая игра ему в этом поможет.

Он медленно встает и проводит большим пальцем по ее шикарной нижней губе.

– Тогда давай найдем лучшее применение этому рту.

Блестящая капля смазки формируется на кончике его члена, выдавая то, что его строгость напускная. Конечно же, она не жалуется. Он играет свою роль так хорошо, и те милые смущающие слова и возбуждение в ее руке. Ее рот, наполняется его вкусом, но дразнить его слишком приятно, чтобы так рано это закончить.

– Я так расстроена из-за получения «В», профессор Моррис. На самом деле я студентка, которая учится только на «А +».

Конечно, все это игра. Это не правда. Это мир секса и притворства, место безопасности и целостности.

Она продолжает:

– Есть ли что-нибудь, что я могу сделать, чтобы убедить вас? Я действительно очень прилежна, когда применяю свой ум к решению задачи.

Его глаза сощурены, а верхняя губа приподнимается, когда он рычит от возбуждения. Это выглядит страшно и это ее возбуждает. Она не боится его. Выражение его лица кажется диким, потому что его похоть и есть дикость. В душе он является нежным человеком, чрезвычайно нежным. На самом деле, она думала, что он не сможет быть манипулятором. Что он не сможет комфортно сыграть эту роль, которую она ему предложила. Но, она должна была знать его лучше, прежде чем усомниться в нем. Он еще никогда не разочаровал ее.

– Я уверен, что смогу придумать какое-нибудь дополнительное задание для тебя.

Его рука нежно нажимает на ее шею сзади, убеждая ее приблизиться, пока она не сможет почувствовать слабый, соленый запах мускуса.

– Я не знаю, что вы хотите, чтобы я сделала, – затаив дыхание, говорит она, желая, чтобы он использовал эти грязные слова, которыми она так наслаждается.

Он подносит большой палец к ее губам, потирая их таким образом, что каждый нерв в ее теле натягивается.

– Хороший студент должен проявить себя, – шепчет он, хриплым и низким голосом. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Неужели вы не дадите мне указания? – тихо спрашивает она.

– Оближи его. Здесь.

Направляя себя одной рукой, он прижимает нежный, скользкий от смазки кончик к ее губам. Она осторожно облизывает. Внешне она выглядит невинно, но внутри она упивается солено-сексуальным ароматом его страсти.

Принуждая его войти глубже, она снова и снова облизывает нежную щель. Его дыхание сладко перехватывает при каждом движении ее языка, но вскоре он начинает двигаться, направляя ее так, чтобы она смогла лизать и сосать всю поверхность широкой головки его члена.

Он стучит по ее нижней губе:

– Открой.

Она послушно открывает рот. Он проскальзывает членом внутрь, толкаясь мягко, чтобы она привыкла к его размеру. Он слишком большой, чтобы двигаться во рту быстро. Она неизбежно подавилась бы, а он не любит, когда такое случается. Для нее это не имеет

значения, но он возражает против любого намека на ее дискомфорт.

В равномерном ритме, он покачивается возле ее лица, приближаясь к оргазму. Она может сказать это по тяжелым вздохам, сжатию его кулака в ее волосах. Когда она уже думает, что он взорвется у нее во рту, он отодвигает ее. Через секунду она оказывается прижата к стене, где только что был он. Ее джинсы сдернуты вниз, а его рот прижимается к ее центру.

Задыхаясь, он отрывается от нее только для того, чтобы сказать:

– Не мог ждать больше.

Затем его рот опускается на ее складочки, продолжая лизать и сосать. Удовольствие, которое проходит сквозь нее, острое и сладкое. Ее бедра дергаются точно так же, как его, только более нетерпеливо, теперь, когда она так возбуждена. Она не может ничего с собой поделаться; она покачивается напротив прекрасного давления, трахая его лицо, хотя низкие стоны подсказывают ей, что он совсем не против.

Ощущения, что проносятся через ее кожу, усилены желанием, которое она ощущала весь день, ее гневом на тех девушек, ее любовью к этому человеку. Она поднимается на вершину, подгоняемая движением умелых пальцев и грешного языка. Неистовые звуки вырываются из нее, не желая сдерживаться, даже если их могут обнаружить. Она покачивается и вздрагивает, и томные, умелые движения его языка на ее клиторе, находят выход в мягком удовольствии и удовлетворенном вздохе.

Он поворачивает ее, наклоня над картотекой. Она хватается за края, металл ощущается холодным и гладким под ее потными ладонями. Она слышит звук разрывающейся фольги презерватива, осознает, что он подталкивает ее сзади, чувствует свою гладкую, возбужденную часть плоти, подготовленную для широкой головки его члена. Он не тратит время, словно сдержанность разрушит его, и проталкивается внутрь, плавно и быстро. Она задыхается от чувства наполненности, приятного ощущения растяжения, переходящего в боль глубоко внутри. Это небольшая боль такая сладкая, это сигнал о потере его контроля из-за сильнейшего желания. Она сжимает мышцы, упиваясь низким стоном, который заставляет его издать. Он берет жесткий, быстрый темп, выходя почти полностью, прежде чем снова погрузиться до основания. Она может только держаться, только цепляться за жесткую скользкую поверхность металла с приоткрытым ртом в беззвучном крике, пока он не застывает, врезаясь в ее бедра, и пульсируя в ней, когда кончает.

На мгновение, он прижимает свое сильное тело к ее, чтобы дать себе возможность успокоиться. Его дыхание на ее затылке ощущается резкими потоками, смешиваясь с ее, в прохладном, пыльном воздухе. Все произошло слишком быстро. Сейчас он выходит из нее более мягко, даже осторожно.

Она начинает подниматься, но он прижимает ее обратно, удерживая.

– Позволь мне вытереть тебя. – Его голос звучит грубо, в нем слышится отголосок страсти, которая была между ними только что. Он отрывает бумажное полотенце из рулона на книжном шкафу.

Она извивается от прикосновения бумаги к ее нежной плоти. Она оборачивается, чтобы забрать у него полотенце, но он останавливает ее руку.

– Позволь мне. – Повторяет он.

Закусывая губу, она позволяет ему закончить.

– Здесь слишком ярко, – шепчет она.

Она может видеть путь, которым он прошел за полотенцем. Нагибаясь, она открывается

ему. Ее влагалище, ее попка – все это, как на ладони. Угол шкафа врежется ей в живот, теперь это более заметно без тумана возбуждения.

Он проводит пальцем по ее внутренним губам через складочки к ее попке, вызывая в ней дрожь.

– Ты так прекрасна здесь. Везде.

Это причиняет ей боль, то, что он подразумевает это как противоположность себе, но она не знает, как успокоить его, не поднимая вопроса. Доброе слово может повернуть нож, который уже сидит в нем, если она будет неосторожна. В конце концов, он решит проблему сам.

– Ты не должна была делать это, – говорит он.

– Делать что?

– Заниматься со мной сексом в кабинете, потому что те девушки оскорбили меня.

Он произносит это так категорично, без эмоций, такой контраст по сравнению с теплой радостью, которая наполняла его голос несколько секунд назад, что она чувствует, как разочарование отражается в ее сердце. Значит, он слышал их. И он все это время знал, что двигало ею, но как он будет интерпретировать это, что это была жалость, а не... ну, а что это было на самом деле? Доброта? Любовь? Она хочет, чтобы он был счастлив, чтобы не волновался, но мир всегда будет судить его, всегда будет издеваться и унижать его из-за шрамов, которые он получил, защищая свою страну.

И вот теперь она понимает, почему он держал ее склоненной – из-за своего признания. Это завеса исповеди, где расстояние и темнота позволили его словам вырваться на свободу. Тот факт, что он признал это, сильно задевает ее за живое. Он готов принять этот секс, но он не считает, что заслуживает его, и он готов освободить ее от дальнейших обязательств.

Она оборачивается, не обращая внимания на проклятую границу, что разделяет его лицо в ее руках. Две стороны, одна - с точеной челюстью мягкой щетиной, с волосами, другая – неровная и с недостатком волос. Удивление мерцает в его глубоких карих глазах.

– Черт тебя подери, – произносит она. – У меня был секс с тобой, потому что я хотела. Потому что я хотела *тебя*. И если у тебя нет доказательств обратного, то черт возьми, тебе лучше не забывать этого.

Он озадаченно моргает. Ну... она тоже. Немного контужены, немного в отчаянии. Во многих отношениях, они близки. Конечно, секс удивителен. Но другими способами, она не может до него достучаться. Его шрамы – это только поверхность. Он все еще терпит кошмары из-за того, что случилось там. Он всегда держится за прошлое, которое она не в состоянии изменить.

– Просто впусти меня. – Шепчет она, касаясь дыханием его губ.

Его глаза находят ее.

– Я весь твой, Эрин. Ты уже имеешь всего меня.

Даже в то время, как сладкие слова посылают радость в ее сердце, печаль лежит тяжелым грузом. Он подразумевает, что это все, что он может ей дать. И этого должно быть достаточно, пока.

Дружественный крик в коридоре привлекает ее внимание к настоящему, физическому. Она быстро одевается. Печальная улыбка изгибает губы Блейка, он делает то же самое и бросает бумажное полотенце в мусорное ведро.

Она выгибает бровь.

– Ты всегда держишь это под рукой для секса?

Он усмехается, и выглядит при этом очаровательным хитрецом. В действительности, это шрамы, которые искажают одну сторону его рта, но кривая улыбка не сможет унять ее печаль.

– Просто для чистоты, – говорит он, опираясь на край стола. – Так тяжело дышать в этих старых кабинетах.

– Я думаю, что это из-за твоего интеллекта, – дразнит она. – Он не может оставить попытку заполнить тебя полностью.

– Ах, скорее это вы, с новыми идеями. У нас был шанс, чтобы изменить мир. Теперь ваша очередь.

– Ты говоришь, как старик.

– Я и есть старик.

Она фыркает. Он может и старше ее на десять лет, но при этом в отличной форме.

– Ты держишься довольно хорошо.

Его самодовольный смех успокаивает ее. Однажды он поверит в эти слова настолько, насколько верит она. До тех пор... ну, до тех пор она будет наслаждаться каждой секундой, что они проводят вместе.

Она хватает рулон бумажных полотенец рядом с ним и возвращает на книжную полку. Там она видит старые книги, которые как она подозревает, стояли здесь и раньше. Одна полка заметно ярче, чем другие, без сомнения прибрана, и содержит несколько книг, которые она узнает – они из его дома.

На другой половине находятся папки, он всегда строчит свои идеи в новые и складывает стопкой. Он пишет о чем-то гениальном, со всем экспромтом и надеется, что она рассмотрит их со всех сторон, прежде чем подтвердит, что все верно.

Его ум – это клад, а его тело похоже на карту. Она может следовать за гладкими линиями, пересекать трудно-упакованные мускулы и соленую землю и изучать его дюйм дюймом, но она будет не более близка к своей цели. Великолепного секса никогда не будет для нее достаточно. Она хочет заполучить *его* полностью.

Глава 3

Снаружи слышатся приближающиеся шаги. Еще один студент, который хочет увидаться с Блейком? Она не уверена, но Эрин и так заняла слишком много его времени.

– Я, наверно, пойду, – произносит она с небольшой улыбкой.

– Это убьёт меня. Знать, что ты находишься так близко, на том же кампусе, может даже в том же здании, но не иметь возможности прикоснуться к тебе.

Она ухмыляется.

– Может я смогу посещать тебя в часы для консультаций. Не очень часто, но я уверена, что у тебя еще есть несколько уроков, которым ты сможешь меня научить.

Он смеется, и она бы засмеялась вместе с ним, если бы не была так потрясена его счастливым, расслабленным видом. Они так отвлеклись, что она едва успевает заметить поворот дверной ручки.

Дверь со стуком открывается, ударяя по книжной полке и заставляя пыль взлететь в воздух. Она кашляет, пропуская женщину, стоящую в дверном проеме. Даже, если пришла другая студентка, Эрин казалось, что она должна подождать снаружи, как это сделала она, или, по меньшей мере, должна постучаться. Но сейчас она понимает, что это не студентка. Это оказывается женщина в возрасте, одетая в блестящий пиджак и юбку карандаш. Ее

волосы медно–красные, достаточно бледные, граничащие с клубничным блондом. А кожу, выдающую настоящего рыжеволосого человека, покрывают веснушки.

И Эрин ее знает.

– Профессор Дженкинс, – произносит она удивленно.

– Эрин! Что ты здесь делаешь?

Боже, что она здесь *делает*? Ее пальцы постукивают по стопке папок Блейка. Ее одежда, к счастью, на месте, но в полном беспорядке.

– Убираюсь, – отвечает она.

Профессор Дженкинс моргает один раз, второй... Она поворачивается к Блейку:

– У тебя есть офисная горничная?

Надо сказать, это выглядит немного странно, учитывая то, что комната меньше чем спальня средних размеров. Но Блейк умен, и он успевает сориентироваться довольно быстро. Теперь она понимает, чем же выгодно спать со стипендиатом Родса.

– Эрин убирает мой дом, – отвечает он. – И я попросил ее прийти сегодня. Кабинет был грязным, когда я въехал в него.

Ха! И формально он даже не врет.

Светло–зеленые глаза профессора Дженкинс быстро осматривают Эрин. Растрепанные волосы после их секса, простые джинсы и футболка – стандартный набор для студента, но без дизайнерских лейблов. Так же быстро женщина теряет к ней интерес, всем своим видом показывая, что понимает присутствие Эрин предельно ясно.

Горничная. Наемная работница. Никто.

Еще раз, она отвержена за то, что делает, чтобы оплатить счета. Эрин привыкла к этому среди других студентов в частном университете. Никто не оказался достаточно неловким, чтобы сказать что–нибудь об этом. Ее прежний парень всегда платил за нее, но все знали, что это было больше, чем просто благородство. Она не могла позволить себе выкинуть 50 баксов за рюмку sake или бутылку шампанского, которое они любили заказывать. В конечном счете, она нашла себе других друзей. Другие ученики на стипендии или у кого есть деньги, но которые не рисуются ими, как ее соседка по комнате. Но Эрин никогда не забывала, как неуместно она себя чувствовала, как незначительно.

Может она и наивна, но она ожидала большего от уважаемого профессора. В этом мире Эрин была тружеником, тем, кто оплачивал свои счета вовремя и полностью. Но в этом частном университете, где ее обучение было покрыто наполовину стипендией, еще наполовину кредитами – ее обучение здесь было просто благотворительностью.

Профессор Дженкинс поворачивается к Блейку.

– Ну, тогда, – произносит она беспечно, – я рада, что ты серьезно относишься к своему нахождению здесь.

Прежде, чем Эрин успевает понять сладкий, почти интимный тон, женщина шагает ближе к Блейку. Кабинет слишком мал, так что может, именно это причина их близости. Но по ощущениям – это вовсе не так. словно Эрин подводят зрение и разум, как будто Эрин глухая и слепая, как книжный шкаф, женщина говорит слишком интимно.

– Господь знает, сколько времени я пыталась заставить тебя вернуться сюда после взрыва. Но ты не пошевелился.

– Это длилось всего неделю. – Произносит он сухо.

– Ну, главное, что ты здесь и все вернулось на свои места.

Эрин смотрит на них, поддерживая ложь о том, что она просто уборщица и что она

ничего не замечает. Она, наконец, понимает то, что исходит от профессора Дженкинс – ощущение, что Блейк принадлежит ей. Это выглядит так же, как смотрит на него Эрин, словно она знает его достаточно хорошо, словно владеет им.

Если до этого она еще сомневалась, то темное выражение лица Блейка говорит ей все. Он и профессор Дженкинс определенно были любовниками, сейчас она это знает. А может и что-то большее.

Кем они были не должно иметь для нее значения, но имеет. Эрин доверяет Блейку и сейчас они вместе. Он не стал бы изменять ей за ее спиной, когда она отворачивается... или, когда она прямо в комнате.

Но опять же, им не позволено говорить кому-нибудь о том, что они вместе. И хотя она так старается об этом не думать... но это так похоже на то, что с ней произошло раньше. Чувство, будто ее отталкивают, выставляют вон, когда она думает, что все идеально.

– Это было очень давно, Мелинда, – мягко произносит он.

Она медлит, прежде чем улыбнуться.

– Мы оба были так молоды и глупы тогда. Все имеет свойство меняться.

Он качает головой. Его улыбка больше походит на гримасу.

– Не так сильно.

Эрин негромко откашливается.

Профессор Дженкинс оглядывается для того, чтобы посмотреть на Эрин, которая все еще находится здесь.

– Может, ты сможешь закончить здесь в следующий раз. Мне нужно поговорить с доктором Моррисом наедине.

– Нет, Мелинда, – отвечает он, проскальзывая мимо нее, чтобы открыть дверь. – Нам не нужен приватный разговор, и она не должна уходить.

Эрин понимает, что он собирается рассказать все. Скажет ли он слова или нет, он может раскрыть их. И насколько она знает, Мелинда Дженкинс достаточно мстительна, чтобы использовать это против него... и против нее. Он нуждается в этой работе, чтобы вернуться к общественной деятельности, чтобы начать все сначала. Ей нужно завершить ее заключительную научную статью и получить одобрение от руководства.

– Нет, все в порядке, – быстро отвечает она. – Я скоро должна быть в классе. Я сейчас уйду.

Он бросает на нее сердитый взгляд, несомненно, собираясь заставить ее остаться, поэтому она хватается за свой рюкзак, и спотыкаясь, вылетает за дверь, пока он не успел ее остановить. Язвительная улыбка Мелинды преследует ее, пока она идет по коридору.

Эрин шагает быстро, и кафельная плитка под ее ногами расплывается в ее глазах от скорости и обжигающих слез.

Черт побери.

Она, правда, не хотела, чтобы он последовал за ней, но... ну, часть ее конечно хотела, чтобы он это *сделал*. Хотела, чтобы он рассказал всем о том, что они вместе и что ему не безразлична она, а не Мелинда. Но тогда он разрушил бы все для них обоих, поэтому она должна быть счастлива, что он позволил ей уйти.

Если бы только она смогла поверить в это.

Она чувствует себя настолько оттесненной в сторону, почти ненужной, хотя на самом деле у нее нет причин так думать. Блейк не сделает ничего неправильного так же, как и профессор Дженкинс. А что если Эрин окажется просто третьим колесом, бедной

студенткой колледжа, которая соблазнила его?

Когда в последний раз, он видел другую женщину до того, как они стали близки? И она выхаживала по его дому дважды в неделю, и подлизывалась к нему со своей нелепой страстью. Не удивительно, что он уступил и занялся с ней сексом.

Это не значит, что он хочет продолжать. Это не значит, что он должен.

Может, ему было бы лучше с кем-нибудь вроде Мелинды. Ему не пришлось бы скрывать свои отношения с ней. Будут ли они также заниматься сексом в обеденное время в его кабинете?

От этой мысли Эрин захотелось разбить что-нибудь.

Она подождет в коридоре за углом. Как только профессор Дженкинс покинет его кабинет, они с Блейком смогут все выяснить. Скорее всего, есть какое-то разумное объяснение. Он успокоит ее. Она так четко представляет это в своей голове. Но они отступают в его кабинет и закрывают дверь.

Телефон вибрирует в переднем кармане ее рюкзака. Она достает его и видит улыбающееся лицо своей матери на маленьком, тусклом экране. Ей сводит желудок. Она еще долго смотрит на дверь кабинета Блейка, прежде чем толкнуть дверь, ведущую на улицу. Она моргает, потому что солнце ослепляет ее.

– Привет мам.

– Ты в порядке?

Беспокойство в голосе матери заставляет чувство вины растечься в ее животе. Она всегда звонит хотя бы раз в неделю, а иногда и чаще. Но в последнее время, когда она начала встречаться с Блейком, ей стало намного сложнее разговаривать с матерью и держать все в секрете.

– Я в порядке. Конечно, я в порядке.

– Я знаю, ты очень занята, милая. Я просто беспокоюсь.

Она точно знает момент, когда ее мать потеряла всякую веру в способность Эрин трезво оценивать людей или делать это самостоятельно. Эрин знает это потому, что она сама в себе сомневается.

И она меняет тему разговора.

– Занятия начинаются на следующей неделе. Еще один семестр.

Она слышит улыбку в голосе матери.

– Я так волнуюсь за тебя, конфетка. Ты заслужила это. Что ты делаешь сейчас, работаешь?

– Нет, я в кампусе. – *Где я только что занималась сексом с профессором.* Это вряд ли облегчит беспокойство ее матери. Что только указывает на то, что эти отношения являются ошибкой. И сейчас, когда у Эрин есть время подумать, она понимает, насколько импульсивно она поступила. Очень плохая идея, к счастью, со счастливым концом.

Это было просто... она никогда не имела возможности быть непосредственной и глупой. Она работала, она училась. Она не жаловалась. В конце концов, ее маме было труднее. Но впервые за годы учебы в университете, Эрин почувствовала себя молодой.

– Я встречалась с моим куратором этим утром. – Продолжает Эрин. По крайней мере, это правда. Хотя, единственная причина ее визита в кампус – сексуальное влечение. – Мы прошли по тому, что необходимо для окончательного варианта моей статьи. Я собираюсь поработать над моим конспектом сегодня.

– Я уверена, что ты все сделаешь прекрасно, конфетка.

Эрин морщится. Такая вера в нее, а она здесь пытается повеселиться. Это не игра.

– Как ты, мам?

– О, ну знаешь, работаю работу.

Она чувствует ее неуверенность.

– Что–то не так? Скажи мне.

Ее мама смеется.

– Я никогда ничего не могла скрыть от тебя. Просто мои колени барахлят.

– Тебе нужно сходить к...

– К доктору. Я ходила. Он хочет положить меня на операцию.

Эрин резко останавливается. Толпы людей обходят ее, пока она стоит посередине тротуара. Если ее мама посетила доктора без уговоров и принуждения, значит, она испытывает очень сильную боль.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

– Операция?

– Это не важно. Ты же знаешь, я не могу себе этого позволить.

– У них нет какой–нибудь программы или еще чего–нибудь для пациентов с низким доходом? Платежной программы?

– Я не знаю, но я не смогу это сделать в любом случае. После операции я не смогу выполнять тяжелую работу четыре недели. Я не смогу вернуться к работе слишком долго.

– Мам, если он сказал, что тебе нужна операция, мы что–нибудь придумаем.

– Нет, я буду думать об этом, Эрин. Не беспокойся обо мне. Сосредоточься на учебе.

Сосредоточиться на учебе и никаких незаконных отношений с мужчиной не из ее лиги. Да, это справедливое требование. Но она сомневается, что сможет его выполнить. Бросит Блейка? Озноб пробегает по ее телу. Ошибка, это ошибка.

– Хорошо, мама. Еще один семестр.

– Еще один семестр, и ты никогда не будешь убираться в домах ради средств существования. Ты никогда не будешь иметь отношение с такого рода проблемами, как невозможность сделать операцию или нехватка времени для этого. Это все, чего я хочу для тебя, малышка. Все, чего я когда–либо хотела для тебя.

Ее сердце сжимается.

– Я знаю.

– Вот это моя девочка.

– Ты и я против всего мира. – Покорно проговаривает она, как всегда делала, когда была ребенком. Это их слова. Секретный клуб состоящий только из них двоих. В свое время это было их утешение.

Прощание с матерью проходит счастливо и весело, но когда они завершают разговор, Эрин чувствует поражение. Все действительно сводится к выбору между учебой и Блейком? В конечном счете, когда у нее будет своя карьера, ей придется как–то совмещать их, так может она научиться делать это сейчас? Она безрадостно улыбается. Хотя возможно Блейк примет решение уйти от нее. Может он решит вновь разжечь то, что было у него с профессором Дженкинс. Тогда все проблемы Эрин исчезнут.

Но этого не произойдет. Просто потому, что она любит его. И это заменит так много. Она не собирается жертвовать получением степени ради любви или своим будущим, но она готова пожертвовать своей гордостью. Она в любом случае не стоит многого.

Низкое рычание исходит от Блейка, когда он видит, как отдаляется Эрин и поворачивает за угол. Их сексуальная встреча была умопомрачительна, больше, чем он когда-либо ожидал или мог надеяться, так много, что его обычное чувство предосторожности покинуло его полностью, но это все разрушено.

Из-за Мелинды.

Она все еще здесь, подходит сзади и выдает трель смеха, который он когда-то считал соблазнительным. Бл*дь, он должен лучше держать ситуацию в руках. Должен лучше объяснить *ей*. Он оказался так чертовски потрясен. Шокирован оргазмом, и тем, что увидел эту женщину спустя столько времени. И ее намеками на то, что они могли бы возродить их отношения. Дерьмо. Даже по пути в ад, он не готов согласиться на это.

Он готов бросить работу. Для чего ему вообще нужна эта работа? Он уже отключался от этого однажды. Это не стоит того, чтобы расстраивать Эрин, и он чертовски уверен в том, что не стоит того, чтобы потерять ее. Поэтому он был готов сказать Мелинде о том, кем на самом деле является Эрин, но может это к лучшему, что она прервала его.

Эрин больше, чем просто его любовница, она - луч света в сыром, темном месте. Он даже не уверен, что она знает, как он зависит от ее присутствия и с нетерпением ждет ее появления. Если бы он сказал ей об этом раньше, то скорее всего, она бы не убежала.

«Черт», – думает он с замиранием сердца, – «она убежала». Вниз по коридору, возможно также далеко как до луны. Он не может поговорить с ней сейчас, когда Мелинда дышит в затылок, и встреча с деканом состоится через двадцать минут.

Разочарованный, он поворачивается и проходит мимо Мелинды. Его ладони потеют, сердце лихорадочно бьется, для него это не просто великолепный секс, и не просто неловкая встреча. Студенты за стенами его офиса шумят, как стадо слонов, их голоса сливаются друг с другом и отскакивают от светлых стен, пока его голова раскалывается. Он думал, что был далек от этих чертовых воспоминаний, но оказывается, он просто избегал их. Оставаясь дома, где никто никогда к нему не приезжает. Теперь он погружен в людей и тонет в них, задыхается.

Мелинда следует за ним внутрь и встает, подпирая бедром край его стола.

– Что это было? – ухмыляется она. – Я думаю, она немного влюблена, ты видел, как она смотрела на тебя?

Боже, ему пора с этим покончить.

– Скорее всего, так же, как и все смотрят на меня. На то, как выглядит мое лицо.

– Раньше они всегда смотрели на тебя *так*. Ты был самым красивым мужчиной на кампусе. А когда ты одевал свой костюм... Ни одна женщина не могла отвести от тебя глаз.

– Хватит, – произносит он сухо. – Ты льстишь мне.

– О, не говори мне, что обиделся. Если, что-то и было между нами, так это честность. Твое лицо больше не привлекательно. Но я могу жить со шрамами.

– Забавно, насколько я помню все совсем не так.

Мелинда выдавливает небольшую улыбку, как он предполагает, это гримаса символизирует покаяние.

– Ты должен признать, что это было слишком много, чтобы справиться с этим.

Давно похороненное чувство разочарования вновь всплывает на поверхность.

– Какая именно часть Мелинда? Потому, что я не мог задать тебе этот проклятый вопрос прежде, чем ты в последний раз закрыла за собой дверь.

Его бинты тогда еще даже не сняли.

«Это просто не сработает между нами», – сказала она тогда, но в этих словах он услышал: *ты – ужасен, ты – отвратителен.*

В последнее время его злость на нее исчезла, потому что он *на самом деле* ужасен. Он отвратителен. И он находился в таком состоянии в течение целого года, раскачиваясь вперед–назад между депрессией наяву и навязчивыми снами о том времени за границей, о взрыве, который искромсал его жизнь на уродливые, деформированные куски.

Пока однажды он не проснулся среди коробок из–под пиццы и пустых банок газировки и осознал, что если он собирается жить дальше, если он до сих пор не умер, то, по крайней мере, он может жить в чистоте. Так он нашел местное бюро трудоустройства и разместил объявление. Эрин откликнулась и... Ах, Эрин.

Она была как внезапное спасительное тепло в суровую зиму. Постепенно он сам становился лучше, каждый день становился немного сильнее, возвращаясь к своему прежнему состоянию, хотя он не думал, что это возможно.

Мелинда обходит стол и приближается к нему. Ему немного любопытно, и он позволяет ей это. Осталось ли что–нибудь от той любви и преданности, которую он испытывал к ней когда–то? Сейчас, кажется, трудно поверить в то, что он собирался провести с ней остаток своей жизни... Сейчас, когда он понимает, что ничего к ней не чувствует. Как будто, смотрит на незнакомку, которая улыбается ему и касается прохладной тыльной стороной ладони его неиспорченной стороны лица, той, что выглядит нормальной.

Он отодвигает ее руку от своего лица.

– Все кончено Мелинда. Однажды, ты ясно дала это понять.

– Я была молода, – произносит она тихим голосом. – Я думала, что внешний вид имеет значение.

Он огорченно улыбается. Она ведь только на год моложе его и если он не ошибается, ее костюм от хорошего дизайнера. Ее туфли, скорее всего, стоят не меньше пяти сотен баксов.

– И, если я правильно понимаю, теперь тебя интересует то, что находится внутри? Или тебя интересует только мой банковский счет?

Ее голова откидывается назад, как от удара.

– Это было низко Блейк.

– Возможно, – вздыхает он. – Да, было. Мне не следовало говорить этого. Но это закончится прямо здесь. Я не хочу, чтобы ты приходила ко мне в кабинет, если у тебя не будет вопросов по учебному процессу, которые нужно обсудить.

Улыбка изгибает ее губы.

– Ты сам это предложил.

Она уходит и кажется, весьма довольна собой. И насколько он ее знает, вероятно, уже составляет какой–то план, но он сможет справиться с ней, если она попытается что–нибудь предпринять. Он откидывается на спинку кресла, пытаясь сосредоточиться. Он рад тому, что во всем разобрался с Мелиндой. Наверно им необходимо было некое завершение. И он наладит отношения с Эрин сегодня вечером, когда она придет.

Но, почему же тогда у него ощущение, будто земля уходит из–под ног.

Глава 4

На автопилоте Эрин закидывает свой рюкзак на пассажирское кресло и выезжает с парковочного места. Она едет к своей квартире собираясь закончить набросок своей

научной статьи. Она составляла схему для нее в течение нескольких месяцев. Сейчас, когда она, наконец получила отзыв от куратора, она может начать писать ее. Эта мысль волнует ее, но одновременно пугает. От этой статьи зависит все ее будущее. Может она сможет пробежаться по своим идеям с Блейком сегодня ночью.

Сегодня ночью.

Они встречаются по определенным датам, обычно вечерами, когда она не работает. Хотя это не официальное соглашение или еще что-нибудь. Она имеет привычку появляться у него в дверях с DVD-диском в руках. Он заказывает китайскую еду с доставкой, и они едят жирную лапшу и разламывают печенье с предсказаниями, делясь между собой, на удачу.

Обычно они смотрят только первую часть фильма, потому что на середине он начинает целовать ее, а она запускает руки в его штаны. Кажется, это блаженство было только несколько дней назад. Но сейчас все бледнеет, темнеет в тени женщины, которая может все испортить.

Но, может, Эрин излишне драматична. Она надеется, что так и есть. Старые раны причиняют боль зимой. Это вообще может ничего не значить. Несмотря на то, что все это началось недавно и остается довольно хрупким, ее чувства к Блейку поразительно реальны. Это все, что имеет значение, не так ли?

Боже, она надеется, что это так.

Она останавливается на пестром бетоне под высоким вязом. Квартиры, которые находятся дальше от кампуса, стоят дешевле. В отличие от ухоженных садов возле кампуса, здесь позволяют расти и цвести красивой листве, лишь бы это помогло сэкономить затраты на отделку.

Даже старые здания имеют определенное очарование: она представляет коричневую, пятнистую черепицу и старые желтые ставни, которые наверняка были очень симпатичны, когда были совершенно новы. И если она должна мириться со старыми трубами, которые ломаются каждый месяц, и из которых течет подозрительная вода на ее этаже... ну, у нее действительно нет выбора. Это все, что она может себе позволить.

Она открывает дверь и сталкивается с Кортни.

Ее подруга и соседка по комнате даже не отрывает взгляд от толстого, открытого учебника. Гладкие, прямые черные волосы закрывают ее лицо.

– Как прошел первый день твоего красавчика?

– О, шикарно.

Теперь Кортни поднимает на нее глаза, и вопросительно приподнимает брови.

– Ой-ой, что-то это звучит не очень. Что случилось?

Эрин не знает, как ответить на этот вопрос. Свидетелем чего она стала: ничего не значащей случайной встречи бывших любовников или долгожданным воссоединением?

Эрин хватает с тарелки апельсин и садится. Она очищает фрукт над столом, прерываясь на жесты во время разговора. Резкий цитрусовый аромат распространяется по комнате, давая ей заряд бодрости после действительно изматывающей дороги домой.

– Секс?

– О, да. Как всегда – на высоте. Неистовый и сбивающий дыхание.

Кортни стонет:

– Прекрати. Я не занималась сексом уже лет пять.

– Ты рассталась с Дерексом месяц назад.

– Ага, но у нас не было секса целый месяц до расставания.

Эрин закатывает глаза, сдерживая улыбку. Два месяца не слишком долго на ее взгляд, учитывая, что она была одна в течение двух лет, пока не встретила Блейка. Но сейчас она понимает подругу лучше. Оргазмы, интимная близость – это так прекрасно, и она не хочет остаться без этого снова.

– Итак, – продолжает Кортни, стаскивая один кусочек апельсина и чавкая им. – Великолепный секс и что потом?

– А потом зашла профессор Дженкинс. – У ее подруги бессмысленный взгляд, и она добавляет, – она одна из профессоров на моем факультете. Она также входит в правление, а это значит, что она будет одним из профессоров, которые будут рассматривать мою итоговую научную статью. У нее репутация, мягко говоря, придирчивой, или по меньшей мере, жесткой женщины, но она всегда кажется достаточно приятной. Или только я так думаю.

– Интрига сгущается.

– Ты понятия не имеешь. Потому, что они с Блейком были... ну, они были друзьями. Вроде *друзьями*.

Кортни склоняет голову.

– Что ты имеешь в виду?

– Своего рода отношения. Не то, чтобы они мне это объяснили с помощью линейного графика или что-то в этом духе. Но что-то было между ними, совершенно очевидно. Они явно были близки когда-то.

– Как неловко.

– Затем профессор Дженкинс – Мелинда, так ее зовут – начала сводить все к тому, что они могли бы вернуться к тому, что было.

– Еще больше неловкости.

– Потом Мелинда попросила меня уйти.

Кортни открывает рот от удивления.

– Нет, она не могла!

Эрин машет рукой.

– Это было странное оправдание обо мне убирающей его кабинет, потому что никто в университете не должен знать о нас, так что она думала, что я только работаю там. В любом случае я сбежала до того, как Блейк смог что-нибудь объяснить, но я собираюсь к нему этой ночью, и ты должна сказать, как мне не вести себя как ненормальная.

– Подруга, иди туда и веди себя как ненормальная. Я веду себя как ненормальная из-за тебя. Я имею в виду, вы встречаетесь около двух недель. И затем вырисовывается его бывшая, как на картине? Нет, вот что действительно ненормально.

– Удивительно, но это не помогает мне успокоиться.

– Ты о том, чтобы пытаться быть разумной и зрелой в этой ситуации? Иногда я вообще не понимаю, почему мы подруги.

– Пытаться – правильное слово. Но я не очень преуспеваю в этом.

Кортни смотрит на нее с симпатией.

– Я знаю, ты действительно была в него влюблена. Сейчас, – поправляет она себя. – Ты действительно влюблена в него.

– О боже, – стонет Эрин, – ты думаешь это конец. Мне не следует идти к нему сегодня вечером? Конечно, не следует. Или пойти?

– Конечно, тебе нужно пойти. Будешь разумной и зрелой – да. Но также сексуальной и

неотразимой, а *потом* спросишь его, что это вообще за дела. Бьюсь об заклад, он очень счастлив тем, что у него есть сейчас, и он просто оказался, застигнут врасплох ее появлением.

Эрин осматривает свою простую футболку и поношенные джинсы. Ее кроссовки стали серыми и потертыми еще два года назад.

– Я действительно не смогу стать сексуальной и неотразимой.

Ее подруга улыбается.

– Станешь, сейчас.

Стягивающий Эрин кружевной корсет, убирает несколько размеров с талии, но не позволяет ей дышать полной грудью. Туфли на высоких каблуках, от которых болят ноги. Ей понадобился дополнительный час, чтобы подготовиться, но это того стоит, потому что надо признаться, выглядит она чертовски сексуально. Это не тот образ, который она сможет поддерживать в течение длительного времени, ведь Блейк привык видеть ее в однообразной простой одежде.

Она одета для схватки, приведена в боевую готовность и готова вести сексуальную войну, где правило только одно – удовольствие, от которого они оба выиграют. По крайней мере она надеется, что это приведет к ночи жаркого секса... не к тому, что она выйдет за дверь оставляя его «желать большего», как сказала Кортни.

Она сворачивает с главной дороги на прилегающую покрытую гравием, ведущую к его дому. Это, конечно не деревня, всего в двадцати минутах от центра города, но почему-то этот район остается заселен не густо. Холмистая местность беспорядочно застроена домами, едва неразличимыми в темноте, как будто они находятся вдали от цивилизации.

Ее старая машина тихо ворчит, подпрыгивая и кряхтя, двигаясь по плохой дороге. Она поглаживает приборную панель.

– Ты сможешь сделать это, приятель.

В любом случае она надеется на это. Она старается уменьшить расходы каждый месяц, тратя то, что она зарабатывает на уборке, часть на непредвиденные расходы, плюс учебники и еда. В ее бюджет не вписываются лишние траты, особенно на уставший автомобиль.

Деревенский дом появляется перед ней. Он выглядит относительно новым и конечно большим, но без претензий. Практичный. Уютный и теплый, как Блейк.

Наличие другого автомобиля, припаркованного в стороне от дома сжимает ей сердце. Гладкий, синий двухместный авто стоит на месте, где обычно паркуется Эрин. Это может быть чей угодно автомобиль. Но все ее страхи подтверждаются, ведь она узнает его.

Профессор Мелинда Дженкинс.

Пожалуйста, пусть это будет неправдой. Каким –то образом окажется ужасной ошибкой. Может у него есть друг и он не упомянул об этом, когда они договаривались о том, что она приедет. Может Блейк купил новую машину где-то между его слепополуденными занятиями и данным моментом.

Едва ли.

Она останавливается позади незнакомой машины и выходит, мрачно отмечая контраст между дорогим авто и ее собственностью. Конечно, у этой нет проблем с коробкой передач проезжая по этой дороге усыпанной гравием. Вероятно, она мурлыкает во время езды.

Ее каблуки оказываются неустойчивыми на неровной дороге. Неожиданно. Она решает

пройти между автомобилями по тротуару, которым она пользуется редко, ведь он неудобен. Располагаясь напротив дома, он зарос пальмовыми листьями, которые блокируют путь.

Но по этой дороге она не сможет пройти без того, чтобы не споткнуться и упасть лицом вперед. Последняя вещь, которая ей нужна – это растянуть лодыжку. Это будет трижды неловко застрять здесь и наблюдать, как Мелинда строит глазки Блейку, пока Эрин производит впечатление невидимки.

Оранжевый свет льется из окна кухни. Ее нога застревает в особенно выпирающей агаве, и она спотыкается, едва не падая, удерживаясь за кирпичную стену. Когда она поворачивает свое лицо к свету, то замирает.

Возле стойки стоит Мелинда, но не такая, какой она привыкла ее видеть. Не в деловом костюме и волосами, стянутыми в пучок. Эта Мелинда одета только в рубашку, белую делового типа рубашку, доходящую до бедер. Ее красные волосы спадают на плечи, и очевидно, что они спутаны. Она похожа на женщину, которая только что занималась любовью. Похожа на Эрин по ночам, когда она остается с ночевкой.

Как будто прокручивая нож и погружая его глубже, Мелинда вылавливает вилкой рыбу из белого контейнера с китайской едой. Она откусывает, наклоняет голову и задумчиво жует, как будто оценивает вкус. Довольная улыбка трогает ее тонкие, широкие губы. Она похожа на кошку, которая объелась сметаны.

Желудок Эрин скручивает от знакомого болезненного ощущения того, что она сторонний наблюдатель. Боже, она отчаянно хочет поверить в то, что это только в ее голове. Она желает оказаться не правой, но это ее кошмар, да именно так. Хуже лишь то, как комфортно выглядит Мелинда... самодовольно. Эрин не знает, что чувствовала бы, если бы была уверена в своем положении, в своей желанности, в обязательствах своего мужчины по отношению к ней, в том, что она может уйти, а он будет ждать ее возвращения.

Даже в сказочные часы после их знакомства, ей удалось оттолкнуть сомнения, и Боже, их было много. Что если она не достаточно красива, достаточно умна? Достаточно богата? Не то, чтобы Блейк казался поверхностным, но финансовое различие может проявляться по-разному. Она испытала это на собственной шкуре.

Ощущая тяжесть и тошноту от ощущения повторения истории, она осторожно отталкивается от стены и возвращается к машине. Она отъезжает медленно, ожидая, что Блейк или даже Мелинда выйдут и увидят ее. Конечно, они могли бы заметить фары через окно или услышать двигатель автомобиля.

Но может, они слишком заняты друг другом, чтобы заметить или заботиться о чем-то.

Разочарование разливается холодным и скользким потоком по ее внутренностям, ледящий компаньон для поездки назад в ее квартиру. Она припарковывается в своем обычном месте, но вместо того чтобы зайти внутрь она блуждает по темному двору. Ночь слишком холодна для прогулки, но она желает этого: мрак и тишина. Она позволяет этому окутать ее, поскольку она спотыкается в ее взятых в займы трехсантиметровых каблуках, натирающих мозоли на ногах без причины.

Конец двора ничем не отмечен, кроме обочины, ведущей к склону улицы. В течение дня на ней было сильное движение, но теперь дорога выглядит пустой. Она может видеть огни, мерцающие в центре города. Невозможно определить, где именно находится кампус.

Скамья установлена около автобусной остановки городского транспорта. Она садится, чувствуя себя скорее задумчивой, нежели мрачной. Холод от бетона проникает через тонкую ткань ее платья.

Что она получает от отношений с этим человеком? Стресс и драму. Это оказывается не тем, ради чего она сюда приехала. Это не то, ради чего ее мама чистит дома по двенадцать часов в день в Ларедо. Не то, ради чего сама Эрин гнет спину в доме Блейка и других клиентов, плюс берет дополнительные часы уборки компьютерной лаборатории гуманитарных наук, когда опекунский штат оказывается переутомлен.

Она здесь для того, чтобы добиться чего-нибудь в своей жизни, стать кем-то достаточно важным, чтобы никто не смог игнорировать ее или ее мать, когда-либо снова. *Ты и я против всего мира.*

Когда она и Блейк впервые занялись любовью, это было удивительно, чувственно, и отличалось от всего, что она испытывала прежде. На высоте в отличие от низости, которую она чувствует теперь, когда она вообще не должна быть на американских горках.

И что теперь? Избегать его? Она не уверена, что это возможно, потому что она нуждается в доходе от этой работы. И они могут столкнуться друг с другом в университете в любом случае. Противостояние ему, также не похоже на правильный выбор. Она не хочет заставлять его плохо себя чувствовать из-за всего этого... но она должна сделать выбор: одно или другое. Она не может продолжать эту неопределенность. Он заслуживает от нее честный ответ.

Со вздохом она поднимается. Ее кожа покрылась мурашками пока она сидела, и теперь они распространяются по ее онемевшим пальцам вверх, и вниз по рукам, пытаясь вернуть в ее тело тепло. Ее соски напрягаются от холода, пробирающегося через тонкую ткань лифчика и платья. Она скрещивает руки на груди и наклоняя голову против ветра, медленно ковьялет обратно.

Глава 5

Блейк бьется затылком о кирпичную стену. Ветер тихо завывает, набирая силу, потому что приближается ночь. Небольшое растение перед ее дверью закрывает его от порывов ветра, но он не чувствует, холод у него внутри.

Ужас разрастается в нем от выражения шока на лице Эрин и от того, что ему пришлось наблюдать, как она убегает по коридору университета. От своей беспомощности, от того, что не смог остановить ее, от мучительного дня, когда ему пришлось наблюдать шушуканье новых студентов о том, что же случилось с его лицом. И он не может переживать за последнюю часть так, как переживает о том, что произошло с Эрин.

Она очень осмотрительна с ним. Даже когда они занимаются любовью, часть ее по-прежнему осторожна, ожидая от него удара, и он мечтает выбить все дерьмо из того, кто сделал с ней то, что заставляет ее так себя чувствовать.

Он старается говорить ей правду, насколько это возможно... ну, не всю правду, но только из-за того, что не хочет ее расстраивать, потому что он действительно без ума от нее. И так, у них имелись смутные планы встретиться, и к счастью, она каждый раз их придерживается.

Исключая эту ночь. Он знает, что что-то пошло серьезно не так, когда она покидала его кабинет сегодня. Он надеялся рассказать ей все о Мелинде... по крайней мере, на сколько это возможно. Не полностью всю историю, чтобы не смущать их обоих. Только то, что поможет им с Эрин, вернуться к былому. Но, когда она не появилась в привычное время, он понял, что что-то пошло не так.

Он решил послать *на хрен* все попытки сохранить спокойствие и отправился увидеться с

ней, но ее не оказалось дома. Он встретил ее соседку, он и не знал, что у нее *имеется* соседка, по пути к двери. По крайней мере, он не испугал девушку очень сильно. Кортни, она скала так ее зовут.

Она заглядывает в его лицо лишь на мгновение и произносит:

– Привет, Блейк. Приятно познакомиться

Он поднимает бровь.

– Моя репутация идет впереди меня.

– Это действительно так. – Подмигивает она. – Но Эрин здесь нет.

Он огорченно проводит рукой по лицу, и с готовностью разворачивается, когда она останавливает его.

– Подожди здесь, – произносит она с почти хитрым выражением на лице, пытаясь скрыть улыбку.

Он видит улыбки достаточно редко, и слишком редко от незнакомцев в последнее время.

– Что?

– Подожди здесь, пока она не вернется. – Она переводит взгляд на квартиру. – Хотя я не уверена, стоит ли тебя оставлять здесь.

– Нет, ты права, не нужно впускать меня. Мы никогда не встречались прежде. Я могу подождать снаружи.

Она усмехается.

– Хорошо, опасный незнакомец. Но доверься мне. Эрин захочет увидеть тебя. Она должна вернуться через несколько минут, при сложившихся обстоятельствах. В любом случае мне нужно на работу, поэтому вся квартира в вашем распоряжении.

Она подчеркивает последние слова, как будто ожидает, что они начнут действовать в этой маленькой захудалой квартирке.

Ну, он не против такого плана, за исключением того, что прошло уже двадцать минут с тех пор, как она исчезла с парковки, где местные жители оставляют свои машины. Он остается стоять в дверях, смотря на свой грузовик, он надеется хотя бы мельком увидеть Эрин сегодня. Даже если она попросит оставить ее в покое, ну, тогда он уйдет. Но он должен убедиться, что с ней все в порядке. Он почувствовал ее несчастье, как физический груз на шее. Он не верил в вещи типа психологической ауры, но он почувствовал ее чувство потерянности, одиночества, как свое собственное и ему нужно попытаться все исправить. Хотя у него нет хорошего объяснения для всего этого. Выражение ее лица, когда он последний раз ее видел до сих пор стоит перед глазами: шок, боль и предательство. То, что он чувствовал, когда Мелинда бросила его.

Он заставил Эрин почувствовать тоже самое. Бл*дь.

– Блейк?

Он дергается в сторону, и с облегчением смотрит на Эрин. Он планировал сказать ей несколько слов, но он теряет голос от вида сексуального черного платья, в которое она одета. Желание электрическим разрядом проходит сквозь его тело. Он хочет толкнуть ее к стене и...

Но нет. Он должен сдержаться. Он и так уже выглядит как чудовище, и он не должен еще и вести себя как монстр.

– Привет, – подходит он к ней.

– Ох... что ты здесь делаешь?

Ее взгляд выглядит настороженным, и дерьмо, что если она была с кем-то на свидании.

– Я пришел поговорить о том, что случилось сегодня.

Если это было бы возможно, она сжалась бы еще больше.

– Мы можем поговорить об этом завтра.

Его бровь приподнимается.

– На кампусе?

Это вызывает у нее слабую улыбку.

– Хорошо, мы знаем, где это может закончиться.

Он сомневается, что будет легче держать руки подальше от нее внутри квартиры, но он молчит, когда она открывает дверь и приглашает его внутрь. Квартирка небольшая и довольно обветшалая. Стандартная студенческая квартира: скромная, но удобная, с толстым пледом на диване, фанерной мебелью и небольшим растением в горшке, закрывающим телевизор.

Она перехватывает его взгляд:

– Мы называем ее – «Сварливая Герань».

Он вопросительно приподнимает голову.

Проходя мимо, она касается пальцем розовых лепестков цветка.

– Я не уверена, как это началось. Я думаю, мы тогда выпили. Я не большой любитель вечеринок, но я не против винного коктейля и похода в кино в субботу вечером...

Он скрывает улыбку, представляя ее подвыпившей. Она одна из самых серьезных молодых женщин, которых он когда-либо встречал. Он хотел бы видеть ее более раскрепощенной, более открытой. Конечно, она становилась более расслабленной, когда они были вместе в кровати, но все было иначе. Но он не должен думать об этом.

– В любом случае, мы назвали это растение – «Сварливая Герань», потому что она выглядит отчасти безумной, тебе так не кажется?

Он с сомнением смотрит на цветок.

– Она выглядит... мило?

Она отмахивается, выражая безмолвное несогласие.

– Ты должно быть выпил. Но в основном она осуждает нас, до тех пор, пока мы не сделаем все наше домашнее задание и не помоем посуду, не вынесем мусор и только *после* этого мы можем смотреть телевизор. Она, как надзиратель.

Она потирает лепесток между пальцев, прежде чем осматривает его, что-то странное и тревожное пробегает в ее взгляде.

– Знаешь, ты можешь сесть. Жаль я не предложила раньше.

Она сидит на краю. Кивая, он находит себе место на другом конце дивана. Так далеко от тесных объятий, в которых они проводят время в его доме.

Вдруг ему кажется, что она готова заплакать. Его мышцы напрягаются, чтобы подойти к ней, но он не может настаивать, не тогда, когда она так явно увеличивает между ними расстояние.

– Прости меня за Мелинду, – произносит он рассудительно. – Я не знал, как остановить ее.

– Но ты знал, что она работает там. – Это было утверждение, а не вопрос.

– Да, я знал. – Он глубоко вздыхает. – Как ты могла догадаться, у нас были отношения.

Все кончено и нет никакого шанса на примирение.

– Кажется, она так не думает.

Он покачивает головой, все еще немного озадаченно.

– Я не знаю, почему она думает, что это возможно. Но это не имеет значения, потому что я не собираюсь делать этого. Я ясно ей дал это понять, когда ты ушла. Я просто сожалею, что ты попала в такое неловкое положение.

Кривая улыбка появляется на ее губах.

– Я полагаю, я сама поставила себя в такое положение, уговаривая тебя принять эту работу.

– Ты никак не могла знать этого. Я даже не пытался скрыть это от тебя. Было много плохих моментов, когда я впервые вернулся на американскую землю. Я стараюсь не вспоминать об этом.

В ее глазах вспыхивает любопытство.

– Ты встречался с ней *после* ранения?

Ох, дерьмо.

– До. И некоторое время после.

– Блейк. Ты знаешь, где Мелинда находится прямо сейчас? Или где она была примерно час назад?

– Без понятия. – Хмурится он. – Она же не говорила с тобой о нас, правда?

– Нет, – отвечает Эрин, и он чувствует облегчение. А затем она добавляет: – Но я поехала, чтобы увидеться с тобой, и она была в твоём доме, Блейк. В твоём доме, в твоей одежде и ела заказанную для нас еду.

Мгновение, он просто смотрит на нее. А затем понимает, что сидит с отвисшей челюстью.

– Вот, бл*дь. Почему ты просто не пнула меня по яйцам, когда только увидела?

Она пожимает плечами.

– Я подумала, что это не имело бы большого значения для тебя, находиться здесь, если бы ты знал, что у тебя дома находится полуголая женщина.

Дерьмо. Он потирает лоб. Эрин приезжает к нему похожая на секс богиню, и находит Мелинду. Как Мелинда вообще попала к нему? Хотя он не поменял замки, с тех пор, как она ушла. Он просто не ожидал, что она вернется.

– Я понятия не имел, что она была там. Я определенно не приглашал ее.

– Я верю тебе.

– Клянусь, Эрин.

– Я серьезно. – Вздыхает она. – Я доверяю тебе, несмотря на ряд неприятностей из-за этой поездки. Это просто застало меня врасплох, вот и все. А потом я немного запуталась в мыслях. Я не хочу быть такой; ревнивой подружкой, которая постоянно требует отчета, где ты ходишь и с кем.

– Ты имеешь полное право злиться и сомневаться во мне...

– Нет. – Останавливает она его. – Я никогда не сомневалась в тебе. Я сомневалась в себе.

Он сглатывает, стараясь сдержаться.

– Что же делать с таким засранцем?

Она криво улыбается.

– Я настолько очевидна?

– Просто невероятно, что ты доверяешь мне, особенно после того, что ты видела. Я не

думаю, что большинство людей поступило бы также. Я даже не уверен, что сам смог бы поступить так же. Но есть что-то еще, что пугает тебя, и я не хочу, чтобы ты скрывала это от меня. Ты не должна защищать меня таким образом. Я хочу знать о тебе абсолютно все.

Хитрая улыбка преображает ее взгляд.

– Это все, ради секса?

– С тобой? Да. Я заслуживаю проклятую медаль за то, что не касаюсь тебя в этом платье.

Она выглядит как чистый секс, облаченный в желание, и он заставляет себя откинуться на спинку дивана, вытягивая ноги. Затем он смотрит на нее, приподнимая брови.

Она упирается локтями на колени.

– Это глупо. Я была глупой.

– Позволь мне судить об этом. – Произносит он легко.

В него летит изношенная диванная подушка. С небольшой усмешкой он ловит ее и засовывает за голову, по-прежнему полулежа на диване, который слишком для него мал. Он бы предпочел обнимать ее, но ей нужно пространство. Кроме того, чертова мебель может согнуться и сломаться, даже если он просто дунет на нее.

Выглядев отстраненной, она начинает рассказывать:

– Это было два года назад. Познакомилась с парнем, начали встречаться. Все как обычно. Это казалось удивительным. Мы здорово ладили и бывали на всяких шоу, ходили в музеи... я не могла позволить себе много гулять, но он был довольно обеспечен и настаивал на том, чтобы платить за меня. Он говорил, что это было по-джентельменски, ничего особенного. Я так сильно хотела быть рядом с ним; я действительно не думала о том, что такая разница между нами повлияет на наши отношения, на то, что он подумает обо мне.

По ходу ее рассказа мышцы Блейка все сильнее напрягаются. Он ожидал услышать историю о каком-то идиоте, который не ценил ее. В худшем случае, о мудаке, который изменял ей. Но ему совершенно не нравится то, что он слышит сейчас. Богатый парень ведет тонкую игру, очаровательный в начале... Да это быстро могло измениться, и он уже знает, что эта история с плохим концом.

– И лучшее было то, что... – по тому, как она это говорит, он понимает, что смысл прямо противоположный, – мы оказались из одного города. Лоредо. Небольшое местечко, но достаточно большое, чтобы иметь несколько вузов, и я никогда не встречала Дага до того, пока не увидела на кампусе. Так что, зимой я поехала с ним домой на его «Лексусе», мои вещи упакованы в багажнике рядом с его. Мы собирались познакомиться с семьями друг друга.

Она останавливается, выглядя немного потерянной.

Когда момент затягивается, он подталкивает ее.

– Что произошло, ваши родители не одобрили ваши отношения?

Ее смех выглядит пустым.

– Нет, мама не одобрила. Но это было еще хуже. В первую очередь мы остановились у него. Его мама и папа были очень добры ко мне по началу. Естественно, они спрашивали меня о моей жизни в городе, где живет моя мама, чем она занимается. И тут обнаружилось, что она их бывшая домработница.

Дьявол. Он даже не знал, что ее мама убирает дома для того, чтобы выжить. Он может представить, что это не очень хорошо воспринялось злобными говнюками.

– Да. – Говорит она, правильно интерпретируя его мрачный вид. – Его мама была в

шоке, но отец был совершенно груб. Он вышвырнул меня. В тот момент Даг действительно вел себя очень тихо. Он вообще никак не защитил меня. Он отвез меня домой и едва сказал слово.

Бл*дь. Она выглядит такой маленькой, такой одинокой. Он притягивает ее в свои объятия, прижимаясь губами к макушке.

Она делает судорожный вздох, но позволяет ему обнимать себя, даже сворачивается у него на коленях.

– Когда я сказала об этом маме, она вышла из себя, сказала, что я должна держаться подальше от всей их семейки. Мы спорили и наконец, она сказала мне, почему она перестала у них работать. Видимо отец Дага запал на нее... он на самом деле напористый. Она сказала, что когда все зашло слишком далеко, она ушла оттуда, но я не верю этому.

Мурашки побегают по позвоночнику Блейка. Изнасилование. Это то, о чем они говорят, и Эрин была в доме у этого парня.

– Я разговаривала с Дагом по телефону той ночью. Его отец рассказал им какую-то запутанную историю о то, что моя мама, что-то своровала. Мы спорили об этом. Затем он перестал принимать мои звонки. Поездка на автобусе заняла шесть часов, ведь я оставила свой автомобиль здесь.

– Ублюдок. – Взрывается Блейк, не в силах больше сдерживаться. Но когда она дергается в его руках, то он начинает ее успокаивать. – Мне жаль, – шепчет он.

Она утыкается ему в грудь.

– Хорошо услышать это от кого-то. Я была отчасти напугана тем, что ты мог бы не поверить мне.

– Он больше не беспокоил тебя после этого, так ведь?

– Не-а. – Она небрежно смеется. – Я думала, мы просто поругались. Я имею в виду, это были большие проблемы, но я думала, что мы серьезно относились друг к другу. Думала, мы остынем за зимние каникулы, а после приведем все в порядок. Но когда я вернулась в город, он по-прежнему не отвечал на мои звонки. А потом я увидела его с другой девушкой. Он даже не посмотрел в мою сторону.

– Скатертью дорога. Слушай, милая, я не знаю на самом деле этого Дага, хищник он или у парня просто дерьмовый папаша, но ты же знаешь, *знаешь*, что это не твоя вина или твоей мамы, правда?

– Да. – Вздыхает она. – Я знаю, но иногда трудно об этом вспоминать. А потом с тобой...

– А потом я поступил с тобой точно так же, как тот парень с твоей мамой.

– Нет, – отвечает она удивленно. – А потом с тобой я не могла ослабить свою защиту, хотя знала, что ты не похож на него.

Мрачная улыбка искривляет его губы.

– Не сильно отличаюсь. Я был готов использовать свое положение, мои деньги, чтобы иметь влияние на тебя. Я всегда знал, что это неправильно, но услышав, что кто-то еще делал это... Черт. Без вопросов.

Он ублюдок. Он заслуживает того, чтобы кто-нибудь дал ему хороший пинок под задницу так же, как он хочет выбить дерьмо из любимого папаши Дага.

– Блейк, – произносит она, поворачиваясь к нему лицом. – Я была благодарна тебе за работу, но это мой выбор появляться на работе каждый день. Ты не давил на меня, даже когда я этого хотела. Ты вообще никогда не подталкивал меня делать что-либо.

Ее шоколадные глаза встречают его взгляд прямо, почти агрессивно. Она никогда не вздрагивает от его шрамов, даже в начале и теперь конечно тоже. Вместо этого она выражает только одно... нежность. Он ненавидит себя за то, что может разрушить это, но больше он лгать ей не должен.

– Эрин я выложил объявление о том, что мне требуется помощница по дому из прихоти. Я думал, что смогу вызывать кого– то время от времени, но когда я встретил тебя, я знал, что должен увидеть тебя снова, так что я составил еженедельное расписание для уборки. Но этого оказалось недостаточно, поэтому я увеличил уборку до двух раз в неделю. Я такой же мерзкий как Даг, сделал все, чтобы держать тебя при себе.

– Почему? – шепчет она, выглядя искренне смущенной. Это разбивает его сердце. Это смущение, несмотря на всю ее силу, которая привлекает его в ней. Она не знает себе цену.

– Боже, Эрин. Ты добрая, ты шикарная. Я знал это с первого дня, когда ты сделала убогому страшно–выглядящему парню выговор. Ты сказала, что будешь приводить в порядок мой дом...

– Но и ты должен был привести в порядок себя. – Заканчивает она.

– Тогда, прошла уже не одна неделя с тех пор, как я последний раз принимал душ, – признается он. – Так, что я пошел наверх и почувствовал себя новым человеком. И когда я вернулся на кухню, ты разогревала для меня суп, чтобы я поел.

– Все те коробки из–под пиццы были отвратительны.

– Я был отвратительным, – уточняет он, мягко продолжая, – хотя думаю, я стал лучше. Улыбка расцветает на ее губах.

– Больше никаких укреплений из коробок от пиццы.

– Ты их заметила, да?

– Да ты был не в себе, – произносит она с любовью. – Но ты неплохо привел себя в порядок.

Он тоже улыбается, а затем словно приходит в себя.

– У меня нет оправданий, Эрин. И я полностью пойму тебя, если ты решишь порвать со мной... если быть объективным, тебе следует это сделать. Но если ты решишь остаться со мной... Боже...

– Что? – шепчет она.

Он напрягает мозг, думая над правильным ответом, идеальным подарком, который привяжет ее к нему. И подсказывает опустошенный.

– Ничего, – отвечает он грубо. – У меня нет ничего, чтобы я смог предложить тебе. Только я сам.

Ее глаза наполняются слезами, и целую ужасную секунду, он думает, что она хочет проститься с ним. Но затем она обвивает руками его шею и прижимается губами к его губам. После секундного шока и чистого облегчения, он притягивает ее к себе, целуя так, как если бы его жизнь зависела от этого. Потому что чувствует, будто ее прохладные волосы очищают от вездесущей боли его кожу. Он зависит от нее. Он знает только боль, а она свободна. Он чувствует безумие, и это приятно.

Он поднимает ее, наслаждаясь ее мягкостью и теплотой в своих руках. Она тонет, прижимаясь своей сладкой попкой к его эрекции. Он поднимает обтягивающую ткань платья до бедра, наслаждаясь гладкой кожей и тонкой полоской ее трусиков уходящих вниз. Его пальцы следуют за их кромкой, встречая чувственные губки ее плоти.

Она вздыхает ему в рот.

– Блейк.

– Да. – Хрипит он.

И он дает ей больше, сразу мягче и сильнее, быстрее и глубже, пока ни один из них не сможет вытерпеть дольше. Он находит ее клитор и слегка пощипывает. Она взрывается вокруг его пальцев; прекрасный женский стон экстаза, мягкий прилив горячей жидкости на костяшки его пальцев и дрожь бедер, накрывающих его собственные.

Он нежно ласкает ее, когда она снова расслабляется. Его эрекция нетерпеливо пульсирует, пытаясь вырваться из джинсов, чтобы стать ближе к ней. Но он заставляет себя успокоиться и отодвигается от нее, прежде чем сможет пронзить. Ему нужно доказать кое-что, если не ей, то по крайней мере себе. Он может вести с ней серьезную беседу. Он может посмотреть кино от начала до конца. Все не всегда должно перетекать в секс.

Поэтому, когда она смотрит на него своим полубессознательным от страсти взглядом и сексуально улыбается, он вытаскивает DVD-диск из пиджака и поднимает его, как проклятый щит.

Она моргает.

– «Призрак оперы»?

– Ты всегда приносишь фильм, когда приходишь, – объясняет он. – Так как сегодня я шел к тебе, то решил тоже принести что-нибудь.

Ее взгляд выглядит сладко-укоризненным, поскольку она соединяет воедино образ героя и его самого.

– Очень тонко.

– Эй, это был сложный выбор между этим и «Красавицей и чудовищем».

– По крайней мере, в том, они в итоге остаются вместе.

– Потому, что он превратился назад в нормального мужика, – напоминает он. – Там не было счастливого конца для чудовища.

Ее выражение лица выглядит скептическим. Она подползает к нему, садится сверху расставляя ноги, и дерьмо, как он при этом должен сдерживаться? Его член упирается прямо туда. Несколько слоев ткани могут исчезнуть, и он просто скользнет внутрь нее. Она выхватывает диск из его пальцев и бросает куда-то в сторону стола.

– Что ты делаешь? – выдавливает он.

Она соскальзывает по его ногам на пол. Ее глаза поднимаются вверх, беспокойные и злые.

– Доказываю тебе, что ты ошибаешься.

Она продолжает делать это только своим языком и губами, вызывая у него хриплые признаки экстаза. Истинная форма удовольствия, чистое и мощное счастье, не совсем то, что он имел в виду, но так даже лучше. Он хочет этого все время, он всегда ее желает.

Под ее соблазнительными прикосновениями он дрожит с потребностью, с надеждой. Но он хочет получить ее до того, как все взорвется прямо перед ним.

Он мечтал об этом раньше, но просыпался в одиночестве. Он пытался сопротивляться, пытался получить удовлетворение только от того, что она в его руках, без намеков на будущее.

Как будто волна прилива накрывает его, утаскивая на самое дно, и глубже, до тех пор, пока он не перестает замечать берег. Здесь бескрайнее пространство только для его и ее единения, секса, любви и надежды, сливающиеся на горизонте. Он пропадает тогда, когда толкает бедра вверх, беспомощно покоряясь, и погружаясь в ее теплый, жаждущий рот.

Подтягивая ее к себе на колени, он начинает лизать, сосать и дразнить ее грудь, пока она не опускает свои бедра на его. Он снова становится твердым, болезненная эрекция, всегда в готовности исполнить все ее желания. И дело не только в сексе, хотя отчасти это правда. Без нее ничего не имеет значения, ни красота, ни гладкая кожа.

Он вонзается в нее; *это то, что ты делаешь со мной*. Он увеличивает темп; *чувствуй меня, возьми меня, никогда не отпускай*. Ее рот приоткрывается в безмолвной мольбе, а ее глаза... О, мой, Бог, ее глаза. В них горит что-то более пронзительное, чем просто страсть, там – знание. Она знает, что делает с ним, с его телом, как низко он сможет упасть. Она знает, как безнадежно он вонзается в нее, отчаянно нуждаясь в большем, хотя знает, что этого никогда не будет достаточно.

– Не прячься от меня, – шепчет она.

Но он даже не понимает, что она имеет в виду. Он поднимает голову и смотрит на нее. Она может видеть худшие части его тела, на его уродливом лице она может увидеть отражение того, как он использует ее тело. Он показывает ей каждое грязное, недоброе желание и да поможет ей Бог, она никогда не говорила ему «нет».

Он понимает, что она что-то бормочет. Не бессмысленный секс-шепот, что-то другое.

– Позволь мне видеть, позволь мне видеть, – стонет она, и он вздрагивает от этих слов.

Он кривится и это должно выглядеть, словно ему больно. Слезы собираются в уголках его глаз. Гребаные слезы – как это случилось? Он не понимает почему, но они там, на грани, и у него нет возможности или желания поднять руку и смахнуть их. Она хочет увидеть? Он покажет ей, каким трусом на самом деле является, и после этого он не позволит ей уйти.
Моя.

Слезинка выскальзывает из его глаза, падая на кожу, которая должна быть мертва. Но она не мертва, она полностью, до боли – жива. Она горит весь день и всю ночь так, будто взрыв никогда не останавливается. Влаги от одной слезы не достаточно, чтобы погасить этот огонь. Но она прижимает свое лицо к его, прямо в том же месте. Ее мягкая кожа всегда кажется для него бальзамом, но на месте ожогов она... проклятье, ощущается чудом.

Он смутно понимает, что перестает двигаться, но не она. Она размещает свои руки на его плечах и двигается на нем в сладком ритмичном темпе. Ее лицо прижато к его. Справа. Там, где он наиболее отвратителен, прямо там, где он наиболее уязвим. Он не понимает, почему она хочет смотреть на это, но это что-то в нем переворачивает. Это приводит его в отчаяние...

В отчаянии он хватается за плечи и отдергивает. Слишком сильно. Она морщится.

Дерьмо.

– Прости, – бормочет он.

– Нет, это то что... Покажи мне.

Он покачивает головой, отказываясь даже тогда, когда держит ее крепко и сделает это снова. Она задыхается от силы толчка, издавая хриплый звук, подстегивающий его на большее. Он входит в нее сильнее и быстрее, комната заполняется шлепками их кожи, ее стонами и криками. Он жесток и неумолим, но вместо того, чтобы остановить его, она сжимает вокруг него свои внутренние мышцы. Сжимает так крепко и откидывает голову назад. Прекрасная, такая прекрасная.

Он зажмуривается и покрывает горячими поцелуями ее шею, в то время пока его тело дрожит в освобождении. Он стонет, прижимаясь к ее коже, вдыхая ее запах, пока опускает ее тело вниз на свой член снова и снова. Его рука сжимает ее волосы для поддержки. Мягкая

киска обхватывает его член, она осторожно покачивает бедрами, поощряя последние рывки его члена.

Ее удовлетворенный вздох, согревает его шею.

Глава 6

Эрин приходит в сознание, ощущая почти острое чувство утраты. Гнетущее чувство чего-то, то появляется, то пропадает. Все еще разморенная ото сна, она потягивается, ощущая тонкие хлопковые простыни на своей кровати. Они кажутся прохладными и пустыми на ощупь.

Для начала она открывает глаза, и оглядывается в поисках Блейка. После их страстного секса в гостиной, они перебрались в спальню для второго раунда перед тем, как провалились в сон в объятиях друг друга. Это был первый раз, когда он провел ночь у нее и вообще первый раз, когда он был здесь, и хотя его дом определенно лучше, его присутствие здесь, ощущается прекрасно. Как первый порыв весеннего сияния, приносящий лучик надежды на потрепанную землю.

Его не оказывается в спальне или в ванной. Она соскальзывает с постели, одетая только в застоявшийся мускусный запах от их занятий любовью. Белая лужа на полу оказывается его майкой. Когда она ее поднимает, то что-то плоское и квадратное падает на пол.

Белые кусочки кружась летят вниз. Они выпали из его бумажника. И она только сейчас понимает, что что-то рассыпала. Нагибаясь, она начинает подбирать бумажки, пока не понимает, что это такое.

Она разворачивает одну: *«Ключ к вашему прошлому лежит в будущем».*

Другая гласит: *«Вскоре ваш труд окупится».*

«Не позволяйте амбициям уничтожать малые успехи».

«Кто-то, о ком вы заботитесь, ищет пути примирения».

И другие.

Печенье с предсказаниями. Она проглатывает комок в горле. Он сохранил записки из них, все до одного, с каждого вечера, проведенного вместе. Она слегка поражена тем, что некоторые из них сбылись, но гораздо больше тронута тем, что он сохранил эти маленькие сложенные бумажки, несущественные доказательства времени, проведенного вместе.

Сжимая предсказания в руке, она натягивает через голову его майку. Она доходит ей до середины бедра и в таком виде она идет в темную гостиную.

Блейк стоит возле раздвижного стеклянного окна и смотрит наружу, его силуэт выглядит одновременно и пугающим и несчастным. В этот момент она видит воина, которого он всегда тщательно скрывает. Его плечи такие широкие с резными мышцами, спускающимися вдоль его крупных рук, скрещенных сейчас на груди. Его спина кажется стройной, изгибающаяся под свободно сидящими джинсами, которые на нем надеты. У него босые ноги, но она не скидывает со счетов его свирепость, в такие минуты как эта. Его обманчивая небрежность, его тихая мощь; он выглядит спокойным, но готов к битве. Не убийца, но способен на это. Она вздрагивает.

Правда в том, что она не совсем понимает того, как он служил в армии. Бросался в опасности. Боролся за свою жизнь. Она понимает это лишь теоретически. Она испытывает благоговейный трепет от того, что он служил своей стране, но даже не подозревает о суровых реалиях, или об их последствиях.

Почему он не спит ночами? Она спросила его в ту ночь в его кабинете, но он так и не

ответил. Она ощущает, что ответ лежит здесь, в этом беспорядке, который колеблется в воздухе, но невидим для глаз. Он не спит, потому что не может. Он не может успокоиться, потому что его сердце все еще в состоянии войны.

Иногда это даже большее препятствие для их счастья, чем его недоверие к людям, чем Мелинда, или его неопытность в отношениях. Боль внутри него является невидимым врагом, который врывается в тот момент, когда они наиболее уязвимы, вдыхая отчаяние в их близость и неизбежность в их секс. Есть уголки внутри него, в которые она не может достучаться ни с помощью слов, ни с помощью своего тела. А даже если сможет? Ей немного страшно от того, что она может там найти.

Внезапно он оборачивается, хотя не выглядит удивленным. У нее складывается впечатление, что он знал о том, что она здесь, вероятно он слышал, как она проснулась. Его чувства отточены за время сражений, оставшихся позади.

– Ты в порядке? – мягко спрашивает она.

– Почему я не должен? – Отвечает он, хотя это не совсем тот ответ, на который она рассчитывает, но она понимает.

Он пересекает комнату и привлекает ее в свои объятия. Некоторая напряженность покидает его тело, и он чувствует благодарность, как минимум от того, что она так много ему помогает. Если бы она могла стать его бальзамом, то она бы успокаивала и утешала его до тех пор, пока не распалась бы на части.

Она раскрывает свою ладонь, показывая ему, что нашла. Несколько бумажек падают с ее руки и кружатся в воздухе, как пушинки одуванчика, подчиняясь желанию ветра.

– Они выпали, – говорит она. – Ты держал их при себе.

Его голос звучит грубо, когда он отвечает.

– Я подумал, если сохранию их, тогда возможно у меня будет будущее с тобой.

Чувство острой тоски подобно ножу разрезает ее изнутри. Будущее... Вместе... Момент, который хочется растянуть до самого горизонта, чтобы он никогда не закончился.

– Да, – выдыхает она, раскрывая свои желания.

– Да? – переспрашивает он, и она не уверена, про что именно он хочет услышать. Подтверждение того, что они могут иметь это или того, что они продолжат быть вместе.

Он уже сказал ей, что любит, в первую же ночь, когда они спали вместе. И больше ни разу с тех пор, как будто чувствует, как сильно она боится собственного притяжения к нему, или ощущения, что она может потерять себя в нем и не сможет найти выход. С Дагом это было увлечение, но то, что происходит между ней и Блейком, больше... намного больше. Насколько хуже станет ей, если он посмотрит на нее с отвращением? Насколько хуже станет ему, если он пройдет мимо нее в кампусе, даже не повернув головы в ее сторону?

Память о тех зимних каникулах с Дагом унижает ее, выделяя самые худшие части ее жизни и то, как мало она может предложить. Она знает, что Блейк не осудит ее за бедность, но факт остается фактом: она оплачивает свою квартиру, убирая его большой, величественный дом. Ее мать ужимается и экономит со своей работы по уборке домов, чтобы помочь оплатить за ту часть обучения, которую не покрывает стипендия и кредиты. Она находится в другом измерении, за много миль отсюда, когда он прижимает ее к себе.

– Как ты думаешь, любви достаточно? – шепчет она, глядя в его бездонные глаза.

Мгновение он молчит и ей кажется, что он уже не ответит. Он выглядит таким задумчивым и... таким далеким, словно она никогда не сможет приблизиться к нему.

Он наклоняется, чтобы поцеловать ее губы.

– Ты вытащила меня из пропасти. Я не говорю об этом, потому что мне не нравится думать, как близко я был, каким слабым я был тогда, но это правда. И я никогда не хотел, чтобы ты чувствовала себя обязанной мне, будто застряла со мной, потому что я развалюсь на куски, если ты уйдешь. Факт в том, что потерять тебя будет в десять раз хуже, чем иметь изувеченной половину лица, но я бы сдержался. Я бы продолжил жить, потому что я не знаю других вариантов.

Ее сердце почти трескается, когда слышится, осязаемая вещь, которая заполняет все ее тело болью, но также и нежностью. Зарождающаяся надежда, более неровная, чем любовь, но более значимая, чем все ее страхи.

– Я люблю тебя Блейк.

– Боже, я знаю, – стонет он, прижимаясь к ее лбу. – Ты не представляешь, как много это значит. Думаю ли я, что любви достаточно? Это вообще единственная вещь, ради которой стоит бороться. Мир холоден и пуст, но с тобой я чувствую себя живым.

Слеза скользит по ее щеке, встречаясь с его обнаженной кожей, орошая влагой волнистые волосы на его мускулистой груди.

– Ох, не плачь Эрин. Я никогда не хотел заставлять тебя плакать.

– Я не могу с этим ничего поделать. Я просто хочу так много... мне нужно...

– Ш–ш–ш, – успокаивает он ее, подталкивает в спальню, и опускает на кровать. Они в оцепенении от боли, подавлены проблемами, и они будут фокусироваться на их решении в другой день, сейчас ее это не волнует.

Так много того, что можно взять и того, что он хочет получить прежде, чем ему будет необходимо освободиться. Перед тем, как она сможет дать ему это.

Он шепчет ей:

– *Не плачь, никогда не плачь, люблю тебя, люблю тебя.*

И она понимает, что это не она стала для него бальзамом, а он для нее. Она оказалась не тем, кто его исцеляет. Она стала той, кто возвращает его назад, каждым нежным прикосновением, каждым настойчивым вторжением его тела в ее.

– *Отпусти себя,* – шепчет он, а она не может больше сдерживаться, и распадается на части. Она рассыпается на куски, купаясь в море сладостных ощущений, в бескрайнем мире, где не существуют различия – только он.

Только блаженство.

Конец.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net